

Сергей Шаповалов

**Живущий
Правдой**

12+

Сергей Шаповалов
Живущий Правдой

«Автор»

2014

Шаповалов С. А.

Живущий Правдой / С. А. Шаповалов — «Автор», 2014

ISBN 978-5-532-96745-8

Эта книга является продолжением романа «Ликующий на небосклоне». Все те же герои, на этот раз отправляются в опасное путешествие, чтобы спасти Такемет от вторжения хеттов. Преодолев все преграды, чудом уйдя от смерти, они возвращаются с победой.

ISBN 978-5-532-96745-8

© Шаповалов С. А., 2014

© Автор, 2014

Содержание

Предисловие	5
Глава первая	6
Глава вторая	20
Глава третья	30
Глава четвертая	39
Глава пятая	46
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Сергей Шаповалов Живущий Правдой

Предисловие

Хоремхеб (древнеегипетское «Хор в праздновании»), египетский фараон, правил ок. 1334—1306 до н. э. Уроженец городка Хутнисут в Среднем Египте, где был начальником городского жречества, являясь, по-видимому, местным правителем. Очевидно, выдвинулся на военном поприще ещё при Эхнатоне и Семнехкара. При Тутанхамоне и Эйе фактически управлял страной на посту главного военачальника, верховного управляющего царским хозяйством. После смерти Эйе стал царём при поддержке фиванского жречества, «призванный» к власти самим богом Амоном.

Стремясь окончательно ликвидировать следы религиозных преобразований Эхнатона, восстанавливал по всей стране запустевшие храмы, объявил незаконными своих предшественников на троне и прибавил годы их царствования к своим. Восстановил Фивы в правах столичного города и центра культа верховного бога Амона, однако остался со своим двором в Мемфисе. Как и его предшественники, чтобы сохранить независимость от столичной и номовой родовой знати и жречества, опирался на служилую знать.

При прямом участии Хоремхеба уже в конце правления Тутанхамона (ок. 1339 до н. э.) Египет вступил в войну с хеттами, своими главными соперниками на Ближнем Востоке, из-за владений в Южной Сирии, однако к 1337 до н. э., по-видимому, полностью утратил свои сиро-палестинские владения. Ок. 1330 до н. э. Хоремхеб, возобновив войну в Азии, дошёл до реки Евфрат, но вскоре был вынужден заключить договор с хеттским царём Мурсилы II, по которому египетские владения фактически ограничивались Синаем (Газа в Южной Палестине была уже хеттской). Поход Хоремхеба в Нубию и снаряжённая им военно-торговая экспедиция в Пунт были более успешными. Ко времени Хоремхеба, вероятно, относится сооружение гипостильного зала в Карнаке и возведение в этом храмовом комплексе двух двойных пилонов. По-видимому, под сокращённым именем Мехи Хоремхеб упоминается в некоторых любовных новоегипетских стихотворениях как лирический герой, благосклонности которого добивается каждая женщина.

Глава первая

– Непобедимый! Спасайся! – полог шатра, хлопнув, отлетел в сторону.

Кто там так громко орёт? Хармхаб приподнял тяжёлую голову, но никак не мог прийти в себя. Набухшие веки отказывались разлипаться.

– Непобедимый! Скорее! – Его безжалостно тормошили за плечо.

Тошнота кислым комком подкатила к горлу. Вокруг темно. Коллеблющееся пламя масляного светильника еле разгоняло мрак.

Хармхаб, ничего не соображая, поднялся на ноги. Рука сама потянулась к мечу у изголовья. Прогоняя усилием воли, остатки сна, он тряхнул головой, чуть не свалился от боли в висках. Наконец глаза открылись. Перед ним стоял чезу¹ меши² Юга, Нахтимина, с перекошенным от ужаса лицом и пытался что-то ему объяснить.

– Спасайся, непобедимый! – продолжал кричать Нахтимин, тяжело дыша. – Нехсиу³ напали.

Земля качалась. Ноги не держали. Хармхаб напряг слух. Снаружи доносились крики, звон металла.

– Успокойся! – прикрикнул на него Хармхаб. – Шлем подай. Нахтимин бросился шарить вокруг походного ложа полководца. Через мгновение нашёл шлем из толстой кожи и подал его Хармхабу.

– Что произошло? Откуда взялись нехсиу? – Полководец не узнал своего голоса, до того он прозвучал хрипло и глухо.

– Как из-под земли выскочили. Налетели со всех сторон. Их много. – Нахтимин помог надеть сандалии. Хармхаб ещё не до конца вник в смысл его слов, но, да сознания уже доходило, что его отряд попал в беду. Нахтимин не будет зря паниковать. Он опытный воин, смелости ему не занимать.

Военачальник, качаясь из стороны в сторону, вышел из шатра. Утро только подсветило серое небо и тёмные желтоватые скалы. Свежий ночной воздух ворвался в грудь. Голова закружилась. Хармхаб стукнул себя по лбу ладонью, стараясь очухаться. Но то, что он увидел, разом отрезвило его. Вокруг кипел бой. Метались люди. Чернокожие нехсиу и воины Кемет⁴ отчаянно рубились друг с другом. Пылали шатры. Повсюду окровавленные тела, крики, стоны.

Хармхаба подхватили под локти подоспевшие телохранители и поволокли куда-то в темноту, подальше от дерущихся. Наконец сознание прояснилось окончательно.

– Стоять! – Рывкнул Хармхаб и оттолкнул телохранителей. – Куда? Бежать? Я ещё никогда не убегал с поля боя.

Вокруг собралось человек десять крепких воинов. Все преданно заглядывали в глаза главнокомандующему, готовые безропотно выполнить любой приказ.

– Тебя убьют, – умолял его Нахтимин. – Уходи!

– Горнист есть? – Не обратил внимание на его нытье Хармхаб. Он оглядел воинов.

– Есть.

– Труби атаку. Всем – в строй. Нахтимин, – схватил он чезу за плечо. – Прикрывай меня щитом слева.

– Но, непобедимый..., – пытался образумить его чезу.

¹ чезу – командира воинского подразделения чезета, численностью примерно в тысячу воинов.

² меши – крупное воинское соединение, дословно – толпа.

³ нехсиу – общее название древних племен, обитающих в древней Нубии

⁴ Кемет или Та-Кемет – древнее название Египта. Дословно: черная земля.

– Выполняй! – Гаркнул Хармхаб. Правая рука надёжно сжала гладкую косяную рукоять тяжёлого хеттского⁵ меча с прямым клиновидным лезвием из прочной ковanej бронзы. Почувствовав тяжесть Когтя Хора⁶ в ладони, Хармхаб успокоился. В другую руку он взял секиру, одолжив ее у одного из телохранителей. – В бой! Бей! Бей! Амун! Бей! – От крика голова проявилась. Кровь тёплыми толчками потекла по жилам. Руки налились силой.

Горн визгливо отыгрывал такт. Телохранители во главе с Хармхаба напористо вклинились в дерущуюся толпу. Нехсиу, попавшие на их пути, тут же пали мёртвыми. Хармхаб безжалостно орудовал мечом, рубил секирой наотмашь. Нахтимин прикрывал его слева большим прямоугольным щитом. Заслышав знакомые звуки трубы, тут же с обоих флангов примыкали копьеносцы. В несколько мгновений обученные воины сплотились в шеренгу. Впереди плечом к плечу с Хармхабом рубились мечами и секирами лёгкие пехотинцы. Сзади выросла стена щитов и частокол копей.

– Не отступать! – хрипло орал Хармхаб. – Держать строй!

Он бесстрашно кидался вперед. Острие хеттского меча рвало плоть врагов. От удара секиры небольшие разукрашенные деревянные щиты нехсиу разлетались в щепки. Как только на Хармхаба насакивали два или три нехсиу, тут же с заднего ряда молниями вылетали копья, безжалостно разя противников. Нахтимин прикрывал полководца щитом, при этом отбиваясь бронзовой палицей. Вскоре великолепная шкура леопарда, обтягивающая щит, свисала лоскутьями. Вокруг стоны, крики. Повсюду запах крови и смерти.

Нехсиу сильные и отважные воины. Им нет равных в кинжальном бою. Они умело орудуют короткими копьями с каменными наконечниками. Но против дисциплинированного строя пехоты Кемет, дикари бессильны.

Нехсиу атаковали толпой, словно стремительный поток налетал на прочную плотину воинов Кемет. Поток клокотал, бурлил, но не мог преодолеть преграду. Обе стороны завязли в жестокой рубке. Так могло продолжаться долго. Никто не хотел уступать. Надо было что-то срочно предпринять.

– Веди! – крикнул Хармхаб Нахтимину. Сам просочился назад и бросился к загону с лошадьми. – Колесницу! – крикнул он подвернувшемуся конюху.

– Слушаюсь, Непобедимый! – воин кинулся выполнять приказ, но стрела тут же выбила ему глаз, и он замертво рухнул на землю.

Хармхаб в несколько прыжков оказался возле загона, где ржали испуганные лошади. Под ноги попался какой-то мальчишка лет десяти. Чумазый, испуганный, с бритой головой, в одной набедренной повязке.

– Чего тут вертишься! – набросился на него Хармхаб. Мальчик весь сжался и дрожал от страха. – Подкати колесницу. – Он указал на распряжённую боевую повозку, которая стояла возле шатра полководца. Дышло уперлось в землю. Задок с узкой площадкой для лучника задрался кверху. Мальчишка тарасил на него глаза, полные ужаса, но не двинулся с места. Он ничего не соображал от страха. Сын какого-нибудь командира. Обычно, мальчиков лет двенадцати – четырнадцати берут с собой в поход для постижения воинской науки. Они заботятся о лошадях, чистят оружие или выполняют какие-нибудь мелкие поручения. Это был совсем какой-то маленький, худой.

– Повозку подкати к загону! – Хармхаб так его потрянул за худенькие плечи, что голова чуть не слетела с тонкой шеи. Мальчишка немного пришёл в себя и кинулся выполнять приказ. Хармхаб осторожно вошёл в загон, уворачиваясь от копыт взбесившихся животных. Кони металась в узком загоне, вставали на дыбы – того и гляди зашибут. Среди обезумевших живот-

⁵ хеттский меч – хетты, воинственный народ, обитающий в древней Анатолии (нынешняя центральная Турция), вечные враги Египта

⁶ Хор – бог в древнеегипетской мифологии, сын Исиды и Осириса.

ных, он нашёл Хопса, своего любимого коня. Военачальник схватил его за гриву и попытался успокоить. Конь жалобно заржал, но, почуяв крепкую руку хозяина, присмирел.

Мальчишка, упираясь изо всех сил босыми ногами в землю, еле-еле подкатил колесницу. Хармхаб быстрыми умелыми движениями запряг Хопса. Повязал на широкую грудь коня кожаный фартук, защищающий от стрел.

– Держи! – кинул он вожжи мальчику. Снова ринулся в загон. Нашёл Хуфу и вцепился ему в шею. Молодой горячий конь грязно-рыжей масти пытался встать на дыбы, но Хармхаб не позволил. Жеребец недовольно ржал, пытался укусить военачальника. Не выйдет! Хармхаб железной хваткой держал его за шею.

– Тихо! Тихо! – старался он ласково успокоить коня. – Это я! Тихо! Наконец тот присмирел и позволил вывести себя из загона.

– Залезай! Будешь править, – приказал Хармхаб мальчишке, когда колесница была готова к бою.

– Я не умею, – пропищал мальчик.

– Некогда учиться, – гаркнул Хармхаб и приправил слова крепким шлепком по тощему задку мальчика. Тот, взвизгнув, запрыгнул в колесницу и вцепился руками в вожжи.

– Держи крепче. Правь туда, – он указал в самую гущу боя. – И голову не высовывай.

Хармхаб надёжно устроился на узкой площадке для стрелка, бросил себе под ноги меч бронзовую булаву и секиру на длинной рукояти. Сам взял в руки копьё. Кони рванулись с места. Колесница понеслась, издавая ужасный грохот. Вперед выступало дышло, на конце которого, расправив широкие крылья, парил бронзовый сокол.

Воины Кемет уверенно теснили врага. Щиты трещали под ударами. Нехсиу напирали, орудуя длинными кинжалами копьями с каменными наконечниками. Тяжёлые дубины с привязанными булыжниками обрушивались на головы воинов Кемет.

– Разойдись! Разойдись! – Дико заорал Хармхаб.

Строй щитоносцев разомкнулся. Колесница влетела в сечу, сшибая попавших на пути дикарей. Истошные вопли раздавались из-под колёс. Бронзовый сокол ломал ребра, дробил черепа. Хармхаб проткнул копьем мягкое тело здорового нехсиу. Тот готов был обрушить дубину на голову Хопса. Древко громко треснуло. Хармхаб чуть не выпал из колесницы, но, все же успел схватиться за поручень. Колесница, словно ножом прорезала толпу чернокожих дикарей, оставляя за собой борозду из павших тел. Как только повозка вырвалась на простор, Хармхаб хлопнул ладонью по костлявому плечу мальчишки.

– Поворачивай! Поворачивай! Тяни вожжи слева на себя.

Мальчишка неумело резко дёрнул вожжи. Колесница накренилась, совершая крутой разворот. Правое колесо с точёными спицами зависло в воздухе. Но Хармхаб удержался и, балансируя телом, заставил вновь колесо коснуться земли.

Кони храпели. Повозка летела вновь в толпу нехсиу. Хармхаб схватил секиру. Он ловко вращал над собой тяжёлое оружие и обрушивал его на головы каждого, кто попадётся на пути. Нехсиу бросились врассыпную от грозной возницы. Их боевой пыл тут же иссяк.

– Хармхаб с нами! Бей! Бей! Амун! Бей! – прокатилось над полем боя.

Враг побежал.

Нехсиу исчезали в расщелинах жёлтых скал песчаника, словно напуганный крысы в норах. Опьянённые победой, воины Кемет кинулись вдогонку. Но Хармхаб остановил их. Преследовать нехсиу бесполезно. Эти шакалы знают все тропки в горах. Их не догнать, да ещё на засаду нарвёшься.

Отбились! Слава Амуну!⁷

⁷ Амун или Амон – древнеегипетский бог Солнца.

Хармхаб устало слез с колесницы и внимательно оглядел поле боя. Вокруг лагеря лежали десятки убитых. Стонали раненые. Сам лагерь разгромлен. Шатры догорали. Все разбросано, перевёрнуто. Хорошо, хоть до его шатра не добрались. Чудом уцелел загон с лошадьми. Нехсиу могли и их перерезать. Тогда остались бы без колесниц. Откуда здесь, в презренной Куши⁸ взять коней, обученных ходить в упряжке. Повезло!

Полководец пытался вспомнить, где он его видел? Здоровенный чернокожий воин с горящими глазами и звериным оскалом. Хармхаб расколол ему голову секирой, но перед этим пришлось долго повозиться. Это не какой-нибудь пастух или охотник на обезьян – чувствовалась крепкая рука умелого воина. Пару раз пришлось с трудом увернуться от острого бронзового меча.

Наконец он его нашёл. Военачальник присел возле распластанного тела. Воин лежал, широко раскинув руки. Лицо так и застыло в зверином оскале. Нос вдавлен мощным ударом секиры. Один глаз вытек, другой остекленел. Правая жилистая рука сжимала тяжёлый бронзовый меч, изогнутый в виде серпа

Силен! Хармхаб разглядел на мускулистой груди амулет чёрного дерева. Слон угрожающе поднял хобот. Вперед торчали длинные бивни. Знак воина из племени Большого Слона. Нехсиу затеяли серьёзное дело, если даже племя Большого Слона из далёких земель Кехет взялось за оружие. Самый жестокий и непримиримый народ. Самые сильные воины. Ещё Минхеперра Тутмос⁹ нанимал их для походов на север. Об их стойкости и жестокости ходили легенды. Они беспощадны: пленным отрезают головы или с живых сдирали кожу. Но и сами не сдавались на милость победителям. Говорят, если им в бою перебить руки, они будут пытаться достать противника зубами.

Хармхаб сорвал амулет с шеи убитого. Крепкий кожаный шнур лопнул. Надо отдать амулет жрецам, – подумал он. – Пусть заклинатели нашьют порчу на воинов из племени Большого Слона. Затем Хармхаб нащупал на поясе убитого ещё один талисман. Тонкая бечёвка, унизанная отрезанными ушами, высушенными на солнце. Грозный воин: столько врагов одолел. Хармхаб насчитал два десятка ушей. Военачальник с трудом разжал большой крепкий кулак убитого и высвободил меч. Осмотрел крепкое кованое лезвие, удобную рукоять, отделанную слоновой костью. Интересно, откуда у нехсиу такое оружие? Обычно чернокожие разбойники сражались короткими копьями и кривыми кинжалами, дубинами. Но они не умели выплавлять крепкую бронзу. Откуда меч? Клинок, явно изготовлен мастерами с севера. Такие клинки делают в Хекупта¹⁰. Хармхаб разглядел клеймо оружейника: крокодил разинул пасть. Ту же и имя мастера: «Себхот». Иногда попадаются у нехсиу тяжёлые толстые клинки времён Менхеперра Тутмоса. Но этот меч современный с тонким отведённым лезвием. Как попало это оружие к дикарям?

– Что прикажешь делать с убитыми? – отвлёк Хармхаба один из писцов войска.

– наших воинов зашейте в шкуры и отправляйте в Бухен¹¹. Пусть наместник Хеви захоронит их по всем обрядам. А нехсиу скиньте вниз, в ущелье. Шакалы ими поужинают.

Хармхаб прошёл вперед к границе лагеря. Озабоченно оглядел окрест: как же враг подкрался? Утреннее солнце уже позолотило уступы гранитных скал. Теперь просматривалась вся обширная долина, окружённая невысокими горами: выжженная солнцем земля с редкой порослью колючей травы; корявые кустарники кое-где: ветки почти без листьев. К лагерю невозможно подкрасться незаметно, даже ночью. Часовые должны были обнаружить противника. Почему так поздно подняли тревогу? – не понимал Хармхаб.

⁸ Куши или страна Куш- существовавшее в северной части территории современного Судана.

⁹ Минхеперра Тутмос – Тутмос III – фараон Древнего Египта, правивший приблизительно в 1479 – 1425 годах до н. э., из XVIII династии. Сын Тутмоса II от наложницы Исиды.

¹⁰ Хекупта – древний город в среднем течении Нила. Греческое название Мемфис.

¹¹ Бухен – древнеегипетские крепость и поселение, расположенные в Северной Нубии, в районе Второго порога Нила.

Не хотел он ставить лагерь в этом месте. Душа не лежала. Хоть и место удобное, но... Проклятое! Душа Эб, что живёт под сердцем и душа-советник Ху¹² подсказывали ему: надо было уходить отсюда выше в горы. Не послушал своих покровителей, и вот – наказание.

Когда-то здесь великий Солнечный правитель Эхнейот¹³ приказал возвести город, подобный тому, что он построил в Верхнем Кемет. Южный Горизонт Йота должен был вырасти, в виде огромного храма Солнечному Богу. Высоченные обелиски должны были взметнуться ввысь каменными иглами, огромные пилоны сиять золотыми верхушками, невиданные по красоте дворцы с нескончаемыми колоннадами радовать глаз изумительными росписями лучших мастеров живописи. Вокруг должны были зазеленеть чудесные сады, плескаться искусственные озера. В водоёмах цвести нежные лотосы. Даже канал начали рыть от берегов Хапи¹⁴, широкий и удобный, чтобы он служил не только для орошения садов, но и для судоходства. Но грандиозным планам так и не суждено было свершиться. Сначала частые набег разбойников-нехсиу не давали приступить к строительству, а после смерти Сына Солнца, новый город стан никому не нужен. Работы забросили. Так и валялись бесхозно стопки каменных блоков. Заложенные фундаменты покривились и поросли травой. Площадку центрального Солнечного Храма занесло песком. Только посредине осталась торчать небольшая каменная стела с рисунком, на котором правитель Эхнейот приносит дары своему небесному отцу Йоту¹⁵. К правителю от огненного шара спускались ручки-лучики, поднося к носу крест-анх – дыхание жизни.

Хармхаб подошёл к стеле.

– Ну и чего ты нас не уберёг, Солнцеподобный? – С упрёком обратился он к нарисованному Эхнейоту. Тот только загадочно улыбался. – При жизни от тебя было мало толку, и после смерти – никакого, да простит мне Амур непочтение к тебе.

Вновь голова наливалась тяжестью. Да что же такое он вчера выпил? До сих пор не отойти. Полководец взглянул на голубое безоблачное небо. Глаза резало, в висках давило.

Сейчас поднимется солнце, и наступит нестерпимый зной, такой, что скалы раскалятся, что печь в хлебопекарне. Как он ненавидел эту страну! Проклятая Куши! Вечная жара, клещи, стаи песчаных блох, скорпионы под каждым камнем. Вода вечно протухает, не смотря на то, что ее держат в кувшинах из пористой глины. А змей сколько! Да ещё эти неугомонные нехсиу. Как только здесь нормальные люди живут? И ведь живут! Скотоводы, охотники, торговцы. Да ещё любят эту землю, словно родную мать. А ещё резчики в каменоломнях, старатели на золотых приисках – и все довольны.

Вдруг коленка взорвалась острой болью. Хармхаб ощупал разбухшую ногу. В пылу сражения не почувствовал, как его приложили дубиной.

– Эй! Подойди сюда, – поманил Хармхаб мальчишку, что помог ему с колесницей. Он так и остался стоять в повозке, сдерживая разгорячённых лошадей. Глаза большие, тёмные, полные ужаса. Ещё бы – в настоящей сече побывать. Хорошо, что ещё не обделался. И такое случается. – Да что ты вцепился в вожжи. Накинь их на стелу. Пусть Эхнейот коней посторожит. Хоть такая от него будет польза.

Мальчик закрепил вожжи и послушно подбежал к полководцу. Хармхаб тяжело оперся на хрупкое плечико.

– Помоги пройти до шатра.

¹² Составляющие души человека: Ка, Ба, Эб, Ху, Сах.

¹³ Эхнейот или Эхнатон - Аменхотеп IV (позднее Эхнатон) – фараон Древнего Египта (1375 – 1325 г. до н.э.), правивший приблизительно в 1351 – 1334 годах до н. э., из XVIII династии, выдающийся политик, знаменитый религиозный реформатор, во время правления которого произошли значительные изменения в египетской жизни – в политике и в религии. Сын Аменхотепа III и царицы Тейе.

¹⁴ Хапи – Нил

¹⁵ Йот или Атон – единый бог солнечного диска, монотеистический культ которого был введён фараоном Эхнатоном

Войдя в шатер, полководец тяжело опустился на хлипкий стульчик со скрещёнными ножками. Личный лекарь Хармхаба Мехи, широкоплечей с умными живыми глазами, осмотрел колено полководца. Осторожно ощупал вздувшееся посиневшее место. Хармхаб сжал зубы и затаил дыхание, чтобы не вырвался стон.

– Всего лишь ушиб, но сильный, – успокоил лекарь, поморщив гладкий загорелый лоб. – Примочки из глины с морской солью – и Великий через несколько дней вновь в строю.

– Делай, – согласился Хармхаб. – Хорошо, что не перелом, иначе пришлось бы возвращаться в Бухен и отложить поход.

Пока лекарь готовил примочки, взгляд военачальника случайно зацепился за мальчика. Тот остался стоять у входа, с любопытством оглядывая обстановку шатра: стойку с копьями и секирами, боевые щиты, незатейливую, но дорогую походную мебель. Ну и худющий, – подумал Хармхаб.

– Ты откуда такой взялся?

– Я сын Парамессу..., – несмело откликнулся мальчик.

– Говори громче! Что ты там мямлишь? – нетерпеливо воскликнул Хармхаб.

– Я сын Парамессу, – повторил он тонким голосом. – Прибыл вместе с са¹⁶ лучников из Бухена.

– Парамессу? Сын чезу из меша Птаха?¹⁷ – вспомнил Хармхаб. – Как отец? Как его рана?

– Отец поправляется, благодаря молитвам и старанию лекарей.

– Мне его не хватает. Твой отец храбрый воин и умный командир. Поскорей бы он вернулся в строй. Подойди ближе. Мне не разобрать твоего писка.

Мальчик неуверенно приблизился на пару шагов.

– Все! – удовлетворённо выдохнул лекарь, заканчивая с примочкой. – Теперь Непобедимый должен посидеть некоторое время спокойно. А я пойду к другим раненым.

– Да благословит тебя Амун за твоё старание! – поблагодарил лекаря Хармхаб. После вновь метнул взгляд на мальчишку. – Ну и зачем Парамессу прислал тебя сюда?

– Отец хочет воспитать из меня воина.

– Из тебя? – с сомнением поглядел на мальчишку Хармхаб, вновь оценивая тонкое тело мальчика. – И что из тебя за воин получится? Взгляни на свои руки – словно пруттики. А ноги? Колени торчат. Ребра выпирают. Тебя что, не кормили? Ты даже охотничий лук не натянешь. Сколько тебе лет исполнилось?

– Я встретил девять разливов Хапи¹⁸. Отец одну луну назад состриг детский локон с моей головы¹⁹.

– Допустим, – смягчил тон Хармхаб. – Выглядишь на свой возраст. Я думал, тебе лет двенадцать. Только, на кой ты мне сдался? Девять лет! Почему Парамессу не отдал тебя в Дом Жизни на обучение?²⁰

– Я учился в Доме Жизни, – дрожащим голосом признался мальчик. – Меня выгнали.

– Выходит – ты тупой бездельник! – грозно сдвинул брови Хармхаб. – В своё время, о мою спину жрецы сломали не одну палку за непослушание, но никогда не выгоняли. Чем же ты так прогневал наставников?

Мальчик потупил взор и молчал, глядя под ноги.

¹⁶ Са – небольшое подразделение от 20 до 40 воинов

¹⁷ Птах – бог искусств и ремесел, а в мемфисской космогонии – бог-творец. Птах создал мир «сердцем и языком»: он называл имена всех предметов, и те появлялись. Часто крупные воинские соединения носили имя какого-нибудь бога.

¹⁸ В древнем Египте летоисчисление велось по ежегодным разливам Нила.

¹⁹ один из обрядов посвящения мальчика в мужчины был: срезания косички, которую носили маленькие мальчики.

²⁰ Дом Жизни – научный институт, состоявший при храме. В нем находились архивы, библиотеки, так же выполнял функцию начальной и высшей школы.

– Ладно. Возьми со стола вон тот папирус. Прочитай, что там написал мне Хеви – наместник Куши.

Мальчик несмело протянул руку к свитку. Он поднёс серо-зелёный лист к лицу и глупо хлопал глазами.

– Паршивец! – Хармхаб ухватил его за ухо. – Да ты и читать не умеешь!

Мальчика спасли от гнева Хармхаба чезу. Командиры вошли в шатёр вслед за Нахтиминим и поклонились военачальнику. Хармхаб отпустил визжащего мальчишку, и тот забился в угол шатра, со слезами на глазах, держась за покрасневшее ухо.

– Что? Проворонили? – гневно сверкнул глазами Хармхаб. – Чьи люди стояли в карауле? Почему нехсиу подобралась незамеченными к лагерю?

– Непобедимый, караульных всех убили, – оправдывался Нахтимин. – Как будто к ним спокойно подошли и перерезали горло.

– Они что, спали? Все спали? – удивился Хармхаб.

– Непонятно. – Нахтимин развёл руками. – Не могли они спать. Может, их заколдовали?

– Что за глупость, – отмахнулся Хармхаб. – Кто был старшим над караульными?

– Его тоже зарезали. Он даже нож не успел выхватить.

– Ничего не понимаю!

Хармхаб замолчал. Молчали и его командиры, потупив взоры. Наконец полководец спросил:

– Много потерь?

– Много, – вздохнул Нахтимин. – И раненых много.

– Хорошо нас наказали дикари за беспечность! Но об этом надо забыть. Потом разберёмся – кто виноват. Поход не должен сорваться, – строго произнёс Хармхаб, увидев неуверенность на лицах командиров. – Нечего тянуть. Надо совершить рейд в земли Ирчет, что за третьими порогами. Там нехсиу пасут стада. Разверните карту.

На небольшом походном столе тут же появился кусок коричневого пергамента, исчерченный красной и чёрной тушью. Позвали смуглых охотников-маджаев из местных.

– Есть два пути, по которому сможет пройти войско. – Заскорузлый палец разведчика прошёлся по извилистой линии на пергаменте. – Можно попробовать здесь, через горы. Дорога узкая, тяжёлая: вечно подъёмы и опасные крутые спуски. Но на этом пути нехсиу не смогут напасть внезапно. Местность хорошо просматривается. Лесов нет, только голые скалы. Есть несколько опасных мест, где нехсиу могут устроить засаду, но проскочить – возможно. Выйдем прямо к третьим порогам. Другая дорога вдоль берега Хапи. – продолжил объяснять разведчик, сощуриив один глаз. – Однако на этом пути легко попасть в засаду. Над дорогой нависают скалы. По берегу высокие заросли камыша. Нехсиу мастера устраивать ловушки.

– Я жду вашего мнения. – Хармхаб оглядел командиров. От резкого движения голову словно сдавило между двух камней.

– Нам надо задержаться здесь на несколько дней, а, возможно, отойти к Бухену, – предложил один из чезу – старый опытный воин. – У нас много раненых.

– Нет, – отрезал Хармхаб. – Нельзя затягивать войну. Мы должны успеть до разлива Хапи загнать нехсиу обратно в леса.

– Надо идти долиной вдоль берега, – выдвинул идею другой командир – молодой и горячий. – Вперед выслать разведку из маджаев. Пусть предупреждают о засадах.

– Напасть могут и сзади, – возразил разведчик. У нехсиу лёгкие быстрые лодки. Они способны появиться в любом месте, атаковать и снова уплыть.

– Если пойдём вдоль берега, завязнем в частых стычках. Тогда точно не успеем до разлива. – Хармхаб ещё раз взглянул на карту. – Раненых отправим в Бухен. Совсем слабых оставить здесь, в лагере под присмотром врачей. Всем остальным готовиться к маршу. Собрать

самых выносливых воинов в передовой отряд. Идём через горы немедленно, пока нехсиу не очухались.

– У нас мало продовольствия, – слабо подал голос старший писец, заведующий снедью.

– Значит, будем голодать, – безжалостно решил Хармхаб. – Все! Выступаем. Прoberёмся по горам и спустимся прямо в земли Ирчет²¹. Перережем все стада нехсиу, сожжём их поселения. Вы чего потупились? – удивился Хармхаб, заметив, как командиры опустили головы. – Говорите! – потребовал полководец.

– Прости, Непобедимый, – несмело подал голос Нахтимин. – Мы согласны резать нехсиу сотнями, выжигать их поселения до пепла. Но скот... Воины не смогут просто так убивать коров.

– Стада угнать мы не в силах. Всех животных надо умертвить, – настаивал полководец.

– Нельзя гневить Хатхор²². Нельзя убивать коров, даже когда голодаешь. Большинство воинов родом с юга. Для них корова – священное животное, связанное с богиней Хатхор.

Действительно, Хармхаб совсем забыл, что многие отряды сформированы из пастухов, которые гоняют бесчисленные стада в землях Вават.

– Хорошо, – сдался Хармхаб. – Угоним, сколько возможно.

Военачальники разошлись выполнять приказ. Слуга поставил на стол перед Хармхабом кувшинчик с водой и блюдо с холодным мясом. Взглянув на еду, командующего чуть не вывернуло.

– Аниб, – окликнул он слугу. – Почему мне не доложили вчера, что Парамессу прислал своего сына? – Хармхаб кивком указал в сторону хлюпающего мальчика.

– Доложили, – невозмутимо ответил слуга, обтирая руки Хармхаба от крови и грязи влажной тряпкой. – Но вчера великий напился до неприличного состояния, – укорил военачальника слуга. – Свалился под стол, заблевал весь пол, да ещё обмочился.

– Да что ты на меня наговариваешь! – возмутился Хармхаб. – Что я, юнец, не знающий меры? Я здоровый мужчина и не мог так нажраться. Да ещё обмочиться. Ты в своём уме?

– Беру Амуна в свидетели, – побожился слуга и ехидно спросил: – Почему же Непобедимый не помнит вчерашнего вечера?

– А сколько же я выпил? – попытался припомнить Хармхаб. Но память начисто размыло, словно строки с папируса, упавшего в воду.

В шатёр вошёл командир меша Юга. В руках он держал глиняный кувшин с тонким горлышком. Обычно в таких изящных кувшинчиках из пористой глины перевозят дорогое вино.

– Нахтимин, сколько я вчера выпил? – обратился он к нему.

– Вчера все перепились, – мрачно ответил Нахтимин. – Все командиры и даже некоторые воины были не в себе. Только ты здесь не при чем. Вот, смотри. – Нахтимин прямо на стол вылил остатки содержимого кувшинчика.

– Что-то на вино не похоже. – Хармхаб внимательно осмотрел лужицу мутноватой серой жидкости. Обмакнул палец и поднёс к носу. – Какое же это вино? И пахнет кислятиной.

– В том-то все и дело, – подтвердил Нахтимин. – В напитке подмешена какая-то гадость. Нам повезло, что кувшины трясло по горной дороге, отчего весь яд осел на дно. Воины, кому достались остатки с нашей попойки, сейчас страдают от рвоты и страшной головной боли.

– У меня у самого голова трещит, – пожаловался Хармхаб, но вдруг до него дошло. – Ты думаешь, что нас хотели отравить? Но кто?

– Может не отравить, а одурманить. Представь, как легко напасть на пьяный лагерь и всех перерезать. Амур охранял нас, и не допустил резни.

²¹ Ирчет, Иам, Уауат – области в районе третьего порога Нила

²² Хатхор или Хатор («дом Гора», то есть «небо») – в египетской мифологии богиня неба, любви, женственности и красоты, а также супруга Хора. Первоначально считалась дочерью Ра.

– Я обязательно принесу ему в жертву чёрного быка после похода, – согласился Хармхаб. – Но откуда вино?

– Прибыло вместе с продовольствием из Бухена от наместника Куши, Хеви.

– Бред какой-то! Никогда не поверю в то, что Хеви вздумал меня травить. Я знаю его с детства. Да и зачем ему? – совсем растерялся Хармхаб.

– Сам не понимаю, – пожал плечами Нахтимин. – Но вино явно – отравленное.

– А вот ещё. Погляди, что я нашёл. – Хармхаб кинул на стол изогнутый серпом меч. – Нехсиу сражаются таким оружием против нас.

– Не может быть! – Нахтимин взглядом знатока оценил клинок. – Да он недавно из кузни. Оружие Себхота я прекрасно знаю. У него лучшая оружейная мастерская в Хекупта. Вот его клеймо, – указал он на выбитый рисунок крокодила. – Но торговцам запрещается продавать оружие дикарям.

– Но кто-то его завёз. Не сам же меч прилетел к нехсиу, как утка, а они его сбили бумерангом.

В шатёр заглянул один из младших командиров:

– Только что прибыл в лагерь Амени, сын Хеви, наместника Куши.

– Сюда его! Немедленно! – закричал Хармхаб. – Сейчас разберёмся.

Полог отлетел в сторону. В шатре вошёл высокий крепкий мужчина лет двадцати пяти. Синий дорожный плащ совсем запыхлился. На скуластом мужественном лице, обожжённом южным солнцем, горели живые темно-карие глаза. Взгляд слегка утомлённый, но приветливый. Высокий лоб без единой морщинки опоясывала токая лента и поддерживала сзади густые черные волосы. На крутых бугристых плечах лежало широкое ожерелье из медных пластинок. Сильные руки протянулись вперед с раскрытыми ладонями.

– Здоровья и силы! – поздоровался он.

– Живи вечно, – ответил Хармхаб, приветливо улыбаясь. – Рад видеть тебя. Как чувствует себя мой друг Хеви?

– Передаёт тебе пожелания скорейшей победы.

– Что Меритре? Дочь Солнца²³ здорова? Когда я видел ее в последний раз, она напоминала спелую грушу.

– Благодаря нашим молитвам, моя жена разродилась легко.

Снова мальчик. Третий сын в нашем семействе, – радостно ответил Амени.

Хармхаб, несмотря на большую ногу, вскочил со стульчика и обнял Амени.

– Я рад за тебя и Меритре. С удовольствием бы выпил за ваше счастье, но вино у меня все какое-то паршивое. – Он скривился. – После него голова раскалывается.

– Мы ещё обязательно отметим рождение моего третьего сына, – пообещал Амени. – Я посвящу его Богу Хору. Пусть носит имя, созвучное с именем самого великого полководца. Как только ты вернёшься с победой, так сразу отпразднуем. Как же без тебя? Меритре сказала, что церемонию обрезания доверит только Хармхабу²⁴.

– Польщён! И за это бы выпил.

– Что с ногой? Ты ранен? – испугался Амени.

– Пустяки! – махнул рукой Хармхаб и вновь опустился на стульчик. – Под утро повеселились. Не заметил что ли? Весь лагерь перевернут.

– Я подумал, что вы в поход собираетесь, – развёл руками Амени. – Неужели нехсиу дерзнули напасть? Тут же на два полёта стрелы вся местность просматривается.

– Кстати, что за вино прислал нам Хеви? – как бы, между прочим, спросил полководец.

²³ Дочь Солнца – звание, носимое дочерьми правителей

²⁴ Хармхаб или Хоремхеб – Хор ликует

– Какое вино? – не понял Амени. – Отец не прислал вина. – Когда собирали продовольствие для армии, я хотел отрядить с десятков кувшинов, я же помню: ты любишь красное из виноградников Свена²⁵, но отец решил, что лучше отправить несколько лишних мешки полбы вместо вина. Дорога трудная, а армия большая. Каждый лишний мешок зерна дорог. Вот и сегодня я привёз чеснок, лук, чечевицу, хлеб, но вина не взял.

– Кто тогда его прислал? – насторожился Хармхаб и приказал слуге: – Позови старшего писца.

Смотритель над снедью подсчитывал остатки продовольствия, что удалось уберечь от нехсиу, когда ему доложили: Хармхаб в гневе и желает его видеть. Смотритель над снедью влетел в шатёр, испуганно озираясь по сторонам.

– Кто привёз продовольствие, – грозно спросил Хармхаб

– Имя его я не запомнил, – растерялся писец. – Бородатый такой. То ли ассириец, то ли шердан²⁶. Да и охрана из бородачей была.

– Мой отец посылал караван с маджаями. – Амени изменился в лице. – У Хеви нет в услужении шерданов. Зачем ему нанимать северян? Местных маджаев²⁷ хватает.

– Непобедимый! – Полог откинулся. Двое воинов втокнули в шатёр связанного человека и бросили его к ногам Хармхаба. – Посмотри, кого нашли среди пленённых нехсиу. Он совсем не чернокожий.

Действительно, пленный, несколько не был похож на нехсиу: кожа светлая, хотя и подкоптилась на южном солнце. Борода рыжая и большой горбатый нос – явно не маджай.

– Это он! – воскликнул старший писец. – Он привёз продовольствие.

– Я тоже узнаю эту пададь, – Хармхаб схватил пленника за рыжую бороду и заставил поднять лицо. – Амени, ты знаешь его?

– Конечно же, я помню всех слуг Небнуфе, а этого – особенно. Когда-то он состоял старшим привратником в Доме Ликования²⁸ в Ахйоте²⁹ ещё при правлении Эхнейота, – подтвердил Амени. – Его имя Мексеб. Гиена, от которой вечно воняет пададью и псиной, вызывает меньше отвращение, чем этот сын крокодила. Но откуда он здесь?

Пленный зло озираясь по сторонам. Страха совсем не было в его темных глазах. Только безумная ненависть.

– Что ты делаешь в Куши, навоз шакала? – Хармхаб пнул его в бок здоровой ногой. – Язык отсох? Амени, посмотри, у этого

рыжего пса на левом ухе должно быть золотое кольцо с именем богини Иштар.

– Есть такое. – Амени повернул голову пленника.

– Отрежь ухо вместе с серьгой и от моего имени отошли Небнуфу. Пусть порадуетя.

– Сделаю!

Амени вынул из-за пояса кривой острый нож и схватил пленника за вьющуюся рыжую копну волос. Пленник дико взвыл, пытаясь увернуться от лезвия. Но Амени крепко держал голову. Острие ножа прижал к уху. Вой перешёл в жалобное завывание.

– Я скажу! Я все скажу!

Амени отпустил пленника.

²⁵ Свен – Асуан.

²⁶ шерданы – народность, происходила из района города Сард в западной части Малой Азии и впоследствии заселили остров Сардиния.

²⁷ маджай – племена, населявшие Северную Нубию, из которых были сформированы отряды наемников

²⁸ Дом Ликования – дворец правителя.

²⁹ Ахйот или Ахетатон – («Горизонт Атона») – город в Древнем Египте, построенный в XIV в. до н. э. фараоном Эхнатоном, который сделал его своей резиденцией и столицей Египта вместо Фив, а также центром введённого им культа бога Атона. Во второй половине XIV в. до н. э., при фараоне Хоремхебе, окончательно уничтожившем культ Атона, Ахетатон был покинут жителями и пришёл в запустение

- Так говори! – потребовал Хармхаб. – Ты привёз отравленное вино?
- Это не яд, всего лишь дурман, – жалобно оправдывался пленник.
- Где маджаи, что сопровождали караван? – спросил Амени, повертев у него перед носом острие кинжала.
- Мы их убили. . .
- Кто твой хозяин? – Хармхаб пристально посмотрел ему в глаза. Пленник затрясся, пытаясь отвести взгляд, но ничего не сказал.
- Амени, режь ему уши, – разрешил Хармхаб.
- Пленный шархнул от Амени так, что чуть не перевернул стол.
- Куда! – Амени поймал его за волосы. – Отвечай на вопросы Непобедимого, иначе не только уши, я и нос тебе обрежу.
- Пленный дико заорал, обмяк, закатил глаза и рухнул на пол.
- Ты его не убил? – испугался Хармхаб. Он нужен мне ещё.
- Притворяется, – успокоил полководца Амени и показал отрезанное ухо с серьгой.
- На этот раз – достаточно. Унесите его, да свяжите покрепче, – приказал Хармхаб. – Скоро он все нам расскажет: кто его прислал, зачем нас хотел отравить, и кто нас продал. У меня есть мастера беседовать – даже немые начинают говорить.
- Пленного уволокли.
- Хармхаб предложил Амени присесть за стол. Слуга поставил перед ними блюдо с фруктами. По кружкам разлил чистую воду. Амени завернул ухо с серьгой в тряпочку и кинул в дорожную сумку. Омыл руки в поднесённой медной чаше и устроился напротив Хармхаба.
- Думаешь, Мексеба – этого скорпиона – прислал Небнуфе? – с сомнением спросил Амени
- Не сам же он решил пробраться в Куши, чтобы отравить меня? – без сомнения ответил Хармхаб.
- Насколько я припоминаю, Небнуфе обвинил в заговоре и изгнали из страны, – припомнил Амени.
- Да. Изгнали. Но все Эйя – мягкосердечный старик, – зло усмехнулся Хармхаб. – Помнишь, после смерти Эхнейота я подавил мятеж в Хекупта. Младший брат Небнуфе был одним из зачинщиков.
- Помню. Ты его убил.
- А второго брата прирезал ты сам. Что там за история вышла? Из-за Меритре?
- Да. Из-за неё. Их Дом хотел сделать Меритре супругой сына старшего колесничего Ранофре – Ахмосе, чтобы потом предъявить права на трон Обеих Земель³⁰. Меритре – одна из дочерей правителя Эхнэйота и имела права на власть. Я им помешал, помог Меритре сбежать из Ахйота и скрыться. Меня хотели за это прирезать как гуся на алтаре Амуну. Но получилось наоборот – Нетшук пал от моей руки. Я еще Ахмосе, как следует, не отомстил. Рука так и чешется вспороть ему брюхо!
- Осторожней! – погрозил пальцем Хармхаб. – Никакой мести. Все давно забыто. Теперь Ахмосе – мой зять.
- Он же состоял тогда в подлом заговоре, – удивился Амени. – И ты отдал ему в жены дочь? Расскажи.
- Что рассказывать? Сам все знаешь. Дом Ранофре могущественный. В него входят многие влиятельные чиновники из Нижних Земель. Трое братьев – заговорщиков так же из этого Дома. И посты у них были высокие. Они попытались захватить власть и объявить новую династию правителей. Сделав Ахмосе супругом Дочери Солнца, Меритре, они вполне могли посадить его на трон. Хорошо, что в Кемет остались честные люди: я, а со мной вся армия, Эйя

³⁰ одно из названий древнего Египта.

с кастой жрецов, Мах с маджаями, Майи в цепких руках держал казну, а Хеви, твой отец контролировал Верхнюю страну, откуда поступало золото и скот. Дом Ранофре проиграл. Ничего у них не вышло. Не смогли они поднять Нижние Земли на восстание. Я вовремя вернулся с армией из Нахарины и навел порядок. Испугавшись разоблачений, старший колесничий Ранофре и старший над войском Йота Рамосе покаялись. На коленях стояли передо мной. Клялись в верности. Свалили всю вину на Небнуфе – единственного оставшегося в живых из трёх братьев. Тот поскорее удрал в Лабан. Он долго скрывался в Приморье, но не выдержал нищеты и на брюхе приполз к ногам Эйи. Раскаялся во всем. Эйя – наивный – расчувствовался и поверил этому скорпиону. Простил ему все. Даже не стал выяснять, при каких обстоятельствах умерла вторая жена Эхнейота Кейе.

– Ты до сих пор уверен, что это она отравила правителя?

– Она, – уверенно кивнул Хармхаб. – Я хорошо ее знал. Змея – да и только. Дом Ранофре помогал ей. При мне заговор бы не затеяли. Воспользовались тем, что я сражался в далёкой Нахарине. А Кейе захотела стать второй Хатшепсут³¹. Требовала от дома Ранофре, чтобы ее возвели на престол, иначе грозились раскрыть заговор. Вот братья ее и убили. Но, все давно забыто, – махнул рукой Хармхаб. – Двое братьев в мире ином, третий раскаялся и теперь усердно служит при дворе. Рамосе и Ранофре на животе ползают перед Эйей, лишь бы угодить ему. Ахмосе стал моим зятем. Кейе пропала или убита, но среди живых ее нет – это точно.

– Тогда зачем слуга Небнуфе хотел тебя отравить? Если Небнуфе решил отомстить, то выбрал самое подходящее время. Тебя любит народ. Армия в твоей полной власти. Но если Хармхаб потерпит поражение от диких нехсиу – от этих трусливых обезьян – его засмеют. Начнут шептаться на торжищах и на пристанях, что полководец уже старик и не способен управлять армией, – сделал вывод Амени и, насупившись, добавил: – А еще я слышал, что ты в последнее время не ладишь с Эйей.

– У нас возникали разногласия, – неохотно признался Хармхаб. – Он желает строить новые храмы, а мне важнее крепкая армия. Каждый прав по-своему, только казна одна.

Как не сопротивлялся желудок, Хармхаб все же съел немного фруктов и запил водой с уксусом.

– Чего ищешь? – Хармхаб заметил, как Амени оглядывается по сторонам.

– А где мальчик? Вчера к тебе должен был прибыть отряд лучников. Вместе с ними я отослал мальчика лет десяти, сына Парамессу.

– Шакалёнок, – позвал Хармхаб. – вылезай на свет.

Мальчик поднялся и поклонился Амени.

– Меритре очень беспокоилась о тебе. – Амени обнял маленького воина. – Как ты добрался? Она прислала тебе сладких пирожков.

– Амени, – Хармхаб нахмурился. – Ты прекрасно знаешь, как я терпеть не могу сюсюканье. Из него я должен воспитать воина или плакальщицу для похорон?

– Это все – Меритре, – смутился Амени. – Она его очень полюбила.

– Так чего вы не оставили мальчишку в Бухене? Погнали сюда, в горы, где идёт война?

– Парамессу в письме просил пристроить его в отряд. Он скоро сам прибудет. Рана почти зажила. Сейчас он, должно быть, уже добрался до Острова Слонов.³² А Меритре хотела оставить мальчика. Он славный. Моей матери Нефтис он тоже очень понравился.

³¹ *Хатшепсут (1490/1489—1468 до н. э., 1479—1458 до н. э. или 1504—1482 до н. э.) – женищина-фараон Нового царства Древнего Египта из XVIII династии. До воцарения носила то же имя (Хатшепсут, то есть «Находящаяся впереди благородных дам»), которое не было изменено при восшествии на престол (хотя источники называют её тронным именем Мааткара – Маат-Ка-Ра). Имела титулы «Великая жена царя» и «Супруга бога Амона».*

³² *Остров Слонов – Элефантина, остров с м древним городом на Ниле. Расположен недалеко от первых нильских порогов, ниже по течению.*

– Славный, – усмехнулся Хармхаб. – почему же такого славного ребёнка выгнали из Дома Жизни? Даже маленький проказник Хармхаб отделялся палками – а его выгнали. Да он читать не умеет!

– Он научится. Прости его, – заступался Амени. – Ребёнок вырос в маленьком городке под Хутуаретом.³³

– Ненавижу этот город! – зло сверкнул очами Хармхаб. – Рассадник бунтов, оплот гик-сосов.

– Разве ты не знаешь, непобедимый, что Парамессу родом с севера, из-под Хутуарета?

– Нет. Впрочем, какая разница? Парамессу – отважный воин, башковитый, находчивый. Недаром я назначил его начальником лучников. Мне его не хватает. Быстрее бы он поправился и присоединился к походу. Я уверен, если бы Парамессу был сегодня в лагере, то нехсиу не удалось бы застать нас врасплох. – Хармхаб жадными глотками опорожнил серебряную кружку с водой и громко поставил пустой сосуд на стол. – Предположим, что мальчишка из Хутуарета. Как хоть его зовут? Говори! Что, язык проглотил?

– Моё имя Сети. Я старший из трёх сыновей Парамессу, – несмело представился мальчик.

– В городе нет Дома Жизни. Разве не помнишь, как ты там все разгромил во время подавления восстания? – напомнил полководцу Амени.

– Согласен. Было дело. Город я почти весь разрушил. Но у меня не было другого выхода, как только уничтожить это осиное гнездо.

– Так кто же его научит читать, если в Хутуарета нет Дома Жизни? Парамессу отправил мальчишку учиться в Уаст. Жрецы определили его в младшие ученики к семилетним оболтусам. Над ним смеялись, что он такой большой, а учится среди маленьких. Сети долго терпел, но не сдержался и поколотил одного из сынков высокого чиновника. Тот настоял, чтобы мальчика выгнали из Дома Жизни. Парамессу рассерчал и отправил его в войска. Сказал, что только среди младших воинов ему место, и он сам вплотную займётся его воспитанием.

– Понятно, – кивнул Хармхаб и строго взглянул на мальчишку. – Остаёшься при мне. Будешь заведовать стрелами, получать их у писцов и следить, чтобы мои чехлы всегда были полны. Заодно в твои обязанности входит: чистить моё оружие и следить за лошадьми. Я люблю во всем аккуратность. Запомни! Уши драть буду за каждую провинность. И еще! – вспомнил военачальник. – Будешь учиться читать и считать каждый вечер. Бездари мне в войске не нужны.

– Он со всем справится, – заверил Хармхаба Амени.

– Куда же он денется, – усмехнулся Хармхаб. – Только не надо за него отвечать. Он теперь сам должен стоять за себя.

– Не будь так жесток, Непобедимый.

– Вспомни, как сам потел, когда пришёл в армию. Тебе кто-нибудь носил сладкие пирожки? Палки получал за себя и за своих нерадивых товарищей. Помнишь?

– Повелитель! – в шатёр влетел один из чезу. – Пленник сбежал. Тот, бородатый.

– Растяпы! – Хармхаб тяжело поднялся, морщась от боли в колене. – Как он смог? Кто его сторожил?

– Его бросили связанного в яму на краю лагеря. Он был без сознания. Оставили одного охранника...

– Как он смог удрать? – разозлился полководец.

– Нехсиу подкралась, убили охранника и освободили пленного.

– Попробую с маджаями его догнать, – предложил Амени. – Далеко он не уйдёт.

– Пусть Амун поможет тебе, – крикнул вслед убегающему Амени полководец. – Он мне очень нужен. Живым. – После спросил у чезу: – Войско готово?

³³ Хутуарет – город в низовьях Нила.

- Лучники выдвинулись вперед. Тяжёлая пехота построена, ждёт распоряжений.
- За лучниками колесницы, потом пехота, последними – обоз, – приказал Хармхаб.
- Непобедимый, а шатёр? – испуганно спросил слуга. Твоя походная мебель, посуда?
- Ну, ее! Куда я с мебелью попрусь через горы. И эту тряпку.., – показал он на пёстрый полог шатра. – Отправь все в Бухен. На земле посплю, под открытым небом. Не впервой.

Глава вторая

В какую сторону не кинешь взгляд, кругом один и тот же унылый пейзаж: жёлтые мёртвые скалы под раскалённым небом. Ни единого признака жизни. Только кое-где топорчатся заскорузлые колючки, чудом пустившие корни в этом мёртвом мире камней, да иногда ящерицы мечутся из-под ног, пытаясь укрыться в норах.

От солнца спрятаться невозможно. Беспощадные жгучие лучи достанут везде. Раскалённые камни излучают жар. К ним не прикоснуться. Как будто находишься в огромной печи. А дороги не видно конца. За одной горной грядой призрачно синееет следующая, дальше еще и еще – и так до самого горизонта.

Хармхаб мысленно проклинал эти горы. Иногда в душе поднимался отчаянный крик: не лучше ли было идти с боями вдоль Хапи. Там, если суждено было погибнуть, так в бою... А здесь издохнешь от жажды. Жара выжимала из тела всю влагу. Губы солёные и сухие. И пить много нельзя: сделаешь один глоток, не заметишь, как всю флягу опорожнишь. Но разве жажду утолишь тёплой водой, которая уже начинала вонять. Зачем он пошёл этим путём?

Но душа-советник Ху, а вместе с ней душа Эб, что живёт под сердцем, нашёптывал полководцу: этот путь – правильный. Возможно, от жары и переутомления умрут с десятков ослабевших воинов, но это – все же лучше, чем постоянные стычки с нехсиу. Хитрые твари умеют устраивать засады, причём действуют коварно, безжалостно: могут отравить колодец или подкрасться ночью и напасть на спящих. Никакого понятия о чести. Да и откуда честь у дикарей?

Воины совсем измотались, преодолевая горные уступы. Кони храпели и отказывались идти. Приходилось помогать животным. Хармхаб слезал с колесницы и шёл рядом, пока конюхи понуждали упирившихся животных идти вперед. Колено опухло, горело, но вроде бы расходилось.

– Эй! Мальчишка, ты где? – обернулся Хармхаб.

Сети прошлёпал босыми ногами к полководцу. Мальчик сильно устал, но не показывал виду. За спиной болтался огромный для его роста чехол со стрелами.

– Почему без обуви? – строго спросил Хармхаб.

– Не нашли моего размера, – оправдывался мальчик. – Сандалии дали, но они большие. В них идти неудобно. Он показал пару старых грубых сандалий, привязанных к поясу.

– Пятки обожжёшь, да пальцы собьёшь – какой тогда из тебя вояка.

– Я осторожно хожу.

– Силы еще есть?

– Да, Непобедимый.

– Далеко от меня не отходи.

– Позволь спросить, Непобедимый.

– Спрашивай.

– Мы добудем в этом походе славу?

– Славу? – удивился Хармхаб. У мальчишки еще хватает сил думать о славе. Он крепче, чем казался. – Что ты знаешь о воинской славе? Она только на вид красивая, а сама перепачкана кровью, и измазана грязью, при этом воняет потом и смертью. Вот какая она – воинская слава.

Мальчик кивнул, как будто понял.

– Я отправился в поход не ради славы. После смут и неурожаев страна нуждается в золоте Куши, – начал объяснять он мальчишке, а может самому себе. – У местных скотоводов огромные стада. Поставки мяса спасли бы страну от голода.

– В Кемет может наступить голод? – удивился мальчик.

– Может. Всему виной неумелое правление усопшего правителя – Сына Солнца, Эхнэйота. Рассказывали тебе жрецы-наставники о Солнечном правителе? Зря он закрыл все храмы и запретил людям молиться своим Богам. Не все приняли, а многие не поняли новое учение о едином Солнечном Боге, дарующим жизнь всему живому. Жрецы, хранившие миропорядок, знавшие магию, письменность и многие другие науки вынуждены были идти пасти скот или обрабатывать землю. А военные? Постигать воинское искусство стало не престижно. Сын Солнца терпеть не мог отважных менфит³⁴ или искусных колесничих.

– Почему? – мальчик семенил рядом с хромавшим Хармхабом и ловил каждое слово.

– Наверное, потому как сам был слаб телом. У него вечно чернели круги под глазами. Ни один мастер росписи по лицам не мог их скрыть. Грудь впалая, плечи не развиты. Бедрa толстые и округлённые, словно у женщины. Даже я стеснялся при нем своих широких плеч и высокого роста.

– Почему он не любил жрецов?

– Трудно сказать – почему. Он вообще никого не любил, кроме своего Солнечного отца – Йота. И нас, детей Больших Домов он не любил. Многих знатных писцов прогнал от себя, а приблизил людей из низших, неграмотных. При дворе в охране появились наёмники. Всякий сброд нанимали: и ассирийцев, и митаннийцев, даже хеттов. Порядок в столице поддерживали маджаи из Куши.

– Чем занимался правитель? – Мальчик поправил на плече тяжёлый чехол, наполненный стрелами.

– Вечно молился своему богу Йоту и корпел над новым учением об устройстве мироздания. Он говорил, что Бог един и его частичка во всем: в человеке, в змее, в травинке, даже в камне. Красота приводит мир к гармонии, а сила разрушает его. Сын Солнца чрезмерно ценил поэтов, художников, скульпторов и прочих бездельников. В Ахйоте на каждом углу открывались мастерские резчиков и скульпторов. Еще одной большой глупостью Эхнэйота я считаю то, что он раздавал ответственные государственные должности всяким низшим писцам. Они ничего не смыслили в управлении, но зато наизусть знали все гимны Йоту. Понимаешь?

– Конечно! Если писарь плохо умеет читать, то он такого напишет...

– Вот-вот. – Хармхаб одобрительно потрепал его по плечу. – В итоге: после правления Сына Солнца государство утратила власть над северными землями. Мы потеряли все: Лабан, Приморье, Нахарину. Вдобавок здесь, на юге начались восстания. Нехсиу выжили всех скотоводов и земледельцев. Армия ослабла, жречества нет, – вообще никакого управления страной. Большинство чиновников в провинциях воры и взяточники.

– А Семенхкерэ?³⁵ Когда он надел корону Обеих Земель, что ему удалось?

– Ничего, – безнадежно махнул рукой Хармхаб. – Он возомнил, будто сможет покорить всю вселенную, как когда-то Великий Менхеперра Тутмос. А в это время народ голодал.

– А как он погиб?

– По глупости, да простит мне Амун непочтение к нему. На очередной пирушке выпил много вина, разум его помутился. Он решил поохотиться в пустыне. Колесница сорвалась в оросительный канал. Правитель захлебнулся. А воды в канале было – по колено.

– Но ты и мудрейший Эйя помогли восстановить государство, – с глубоким уважением произнёс мальчик.

– Кое-что смогли, – неопределённо пожал плечами Хармхаб. – Правитель Тутанхамун, да живёт он вечно, вековечно, взошёл на трон совсем ребёнком после гибели Семенхкерэ. Что он смог сделать? Ему венец Обеих Земель на голове держать было тяжело, а тут всей страной надо править мудро, да еще врагов умирять. Тогда-то верховный жрец Эйя встал по правую руку

³⁴ Менфит – опытный воин.

³⁵ египетский фараон из XVIII династии, преемник Эхнатона и предшественник Тутанхамона.

от правителя, я – по левую. Народ мы накормили, жизнь в стране наладили. Теперь решили усмирить Куши.

– А нехсиу и раньше восставали?

– Время от времени дикари пытаются нападать на приграничные города. Еще при Небматра Аменхотеп Хека Уасете презренная Куши захлебнулась в собственной крови. Несокрушимая армия Кемет прошла с боями до самого четвёртого порога.

– Ты участвовал в том походе? – большие глаза Сети вспыхнули любопытством.

– Я был тогда совсем юнцом. Постарше тебя, конечно. Мне доверили командовать четом³⁶ молодых лучников. Я помню, как нас боялись враги, и как уважали местные жители. Теперь другие времена. И нехсиу уже не те. Сейчас дикари хорошо вооружены и неплохо изучили тактику боя.

– Кто их учил?

– Я же и учил, – горько усмехнулся полководец. – Многие из них служили в армии Кемет. Под моим началом совершили поход на север, в Нахарину. Тогда нам удалось разгромить самого Суппилиуму³⁷ – грозного правителя Великой Хатти, и прогнать его обратно за Бычьи горы. Многие нехсиу сражались лучниками в меше Юга.

– Плохо, – подвёл итог Сети. – Но этот поход мы завершим успешно?

– Конечно. Даже не сомневайся. Правда, начало мне совсем не нравится. Как-то все складывается неудачно. А в Уасте жаждут вестей о громких победах. Хотят увидеть пленных вождей, бредущих вслед за колесницей полководца. Какой там! Как бы нам самим не зажариться в этих горах.

– Но мы же все равно победим! – уверенно произнёс Сети, сжав кулачки.

– Победим. Обязательно победим. Воевать с дикарями стало труднее, чем раньше. Нехсиу не вступают в открытый бой. Вечно прячутся в горах и подло нападают ночью. Уничтожают обозы с продовольствием, отстреливают вестовых. Они не гнушаются убивать даже местных кушитов, кто помогает армии Кемет. Но им не избежать схватки в открытом поле. Вот тогда им покажем!

– А как ты привык вести войну?

– Я веду войну, как учили великие полководцы: лицом к лицу с противником, в полный рост – вот это по-честному, по-мужски.

Их беседу прервали разведчики.

– Горы заканчиваются. Скоро выйдем к Хапи. До порогов осталось два дневных перехода. Впереди спуск и небольшая долина, – докладывал старший. – Там есть ручей. Можно разбить лагерь.

– Слава Амуну, – с облегчением выдохнул Хармхаб. – Не верится, что скоро кончится это пекло. Нехсиу не заметили?

– Мы осмотрели все окрестные скалы. Все чисто, – заверил старший разведчик.

– Что-то не так, – усомнился Хармхаб. – На всем пути мы не встретили ни одного чернокожего разбойника. Неужели нехсиу без боя пропустят нас в долину? – Он подозвал командиров и приказал: – Всем глядеть в оба. Оружие держать наготове.

Лучники расчехлили луки и приготовили стрелы. Пехотинцы достали из ножен мечи и кинжалы. Красноватые мрачные скалы песчаника сужались и нависали уступами над тропой. Впереди проглядывалось широкое ущелье. Внизу зеленела долина, суля долгожданный отдых. Просто чудом казался этот оазис среди однообразных мёртвых склонов. Хармхаб вздохнул, предвкушая спокойный сон и глоток прохладной воды из ручья. Но вдруг военачальник краем

³⁶ Чет-десяток

³⁷ Суппилиуму II (хет. Суппилиумас) – царь Хеттского царства, последний из царей хеттов, правил приблизительно в 1205 – 1178 годах до н. э.

глаза заметил, как высоко в небе кружит падальщик. К стервятнику вскоре присоединились еще две птицы. Не к добру. Слуги Сета просто так летать не будут. Хозяин – Бог войны Сет, владыка красной пустыни, посылает их только туда, где должна пролиться кровь. Сердце часто заухало в груди – это душа Эб предупреждала об опасности.

– Мой щит! – крикнул Хармхаб оруженосцу.

Воин, следивший за оружием полководца, поднёс прямоугольный деревянный щит, обтянутый леопардовой шкурой. Оруженосец помог пристроить щит на левую руку полководца, но тут же вскрикнул. Лицо его перекопилось от боли, и он сполз на землю. В спине торчала стрела с черным оперением нехсиу.

– К бою! – крикнул Хармхаб.

Со всех сторон полетели камни. Стрелы с грозным шуршанием проносились над головой. Хармхаб быстро оценил обстановку. Единственное спасение – быстро проскочить узкую расщелину между скал и вырваться в долину. Если ввязаться в бой прямо здесь – неминуемы большие потери. Нехсиу прятались за скалами. Стрелкам их не достать. А штурмовать крутые склоны – бесполезно. Он приказал колесницам быстро двигаться вперед. Копьеносцы, догоняли повозки. В бой не вступали, только закрывались щитами и бегом миновали самое узкое место. За расщелиной оказалась широкая, каменистая площадка, где можно было развернуть строй. Нехсиу вообразили, что напугали противника, с визигами и боевым кличем бросились преследовать воинов Кемет. Непобедимый только этого и ждал. Он приказал пехоте выстроиться. Моментажно возникла стена щитов. Первую волну нападавших остановили и опрокинули. Как только враг дрогнул, сразу же из под щитов выскочили лёгкие пехотинцы с небольшими щитами и короткими мечами. Завязалась жестокая схватка. Налетела вторая волна нехсиу. Лёгкая пехота тут же отступала и спряталась за щитами копьеносцев. Враг вновь наткнулся на стену щитов и частокол копий. Нехсиу поздно сообразили, что сами попали в западню. Они попытались отступить обратно к скалам. Но Хармхаб тут же пустил в погоню лучников – маджаев. Сам схватился за лук. Лёгкая пехота отсекала дикарям путь к отступлению. Битва закипела с новой силой, но на этот раз нехсиу надолго не хватило. Не многим удалось удрать. Большинство дикарей пали мёртвыми или сдавались, падая на колени.

Хармхаб нащупал пустой чехол. В пылу боя не заметил, как расстрелял весь запас стрел.

– Мальчишка! Где мальчишка?

Сети нигде не было.

– Где этот шакалёнок со стрелами?

– Здесь! – пропищал Сети, подавая полный чехол.

Хармхаб вложил стрелу, натянул туго лук, но последние нехсиу уже растворились среди скал.

– Я же тебе сказал: держаться рядом? – разозлился Хармхаб

– Меня оглушили, – прохныкал Сети.

Только сейчас Хармхаб заметил, что голова мальчика залита кровью. Красные запёкшиеся ступки покрывали бритую макушку и стекали по левому виску на шею. Даже на плече видны были коричневые подтеки. Хармхаб отбросил лук и щит, нагнулся, чтобы осмотреть рану. Мальчишка взвизгнул от боли.

– Не ной! Голова цела. Слегка камнем задело. Подумаешь, кожу поцарапало. Лекарь! – позвал полководец. – Мальчишку перевяжи.

Долина оказалась просторной, но не такой зелёной, как виделось с гор. Редкие стебли жёсткой травы островками торчали среди камней. Ключ пробивался тоненькой струйкой из скалы. Земля провалилась, образовав небольшую лужицу, по краям которой отпечаталось множество следов животных. Ручеёк пытался пробиться дальше в долину, но через несколько шагов пропадал. Всю влагу впитывала в себя иссушенная зноем земля.

– Привал! Разрешил Хармхаб. Он слез с колесницы и тут же устало опустился на землю. Колено разнылось, словно кто-то пытался вывернуть ногу.

Лекарь снял повязку и озабоченно покачал головой.

– Делай примочку, да поживее, – накинулся на него Хармхаб. – И отвар какой-нибудь обезболивающий дай. Может, заговор от боли прочитаешь.

– Какой же тут заговор, – причитал лекарь. – Вон как ногу разнесло.

– Пройдёт. Что там с мальчишкой, – вспомнил полководец.

– Голову разбили. Но череп не проломлен. Отойдёт. – И вздохнул: – Жалко ребёнка.

– Я таким же был, когда стоял в рядах лучников и подавал стрелы. Никто нас не жалел, – возразил Хармхаб. – А подзатыльники получали за каждый малейший проступок.

Воины взволновались, зашумели. Все смотрели куда-то вверх на скалы. Хармхаб вгляделся, прикрыв ладонью глаза от солнца. Высоко на выступе он увидел чернокожего нехсиу. Тот кривлялся, показывал неприличные жесты. В руке он держал отрезанную голову одного из воинов Кемет и периодически смачно плевал в лицо. Стрелы едва долетали до нагльца. После каждого неудачного выстрела он громко смеялся и еще больше распаялся. Нехсиу мог долго бы так кривляться, пока бы не устал, но вдруг за его спиной неожиданно вырос человек. Он двигался быстро и бесшумно. Сильный, поджарый, осторожными быстрыми движениями напоминал хищного зверя, крадущегося к добычи. Бронзовая кожа лоснилась маслом, защищавшего кожу от горячих лучей. Человек осторожно окликнул нагльца. Тот медленно обернулся и получил сокрушительный удар в челюсть. Насмешник долго кувыркался по склону, обдирая локти и колени об острые камни. В конце концов, оказался в руках воинов Кемет.

– Кто это? – удивился Хармхаб, указывая на человека – хищника.

Тем временем таинственный мститель кошачьими прыжками с уступа на уступ спустился в долину под громкие приветствия воинов. На обнажённом мощном торсе красовались старые глубокие шрамы, оставленные звериными когтями. На мускулистой шее покачивался золотой амулет с крылатым солнцем. Из всей одежды – набедренная повязка из простого выбеленного льна. Обут в недорогие, но прочные сандалии. На поясе кривой нож с костяной рукоятью. За спиной, побелевший на солнце, дорожный мешок.

– Да это же Хуто! – узнал его Хармхаб и искренне обрадовался. – Здоровья и силы хранителю лука и стрел правителя. Какая причина привела столь высокого сановника в этот проклятый край.

Хуто неуловимым движением снял с плеча дорожный мешок и склонился перед военачальником. Скуластое смуглое лицо с прямым носом ничего не выражало. Взгляд спокойный, сосредоточенный.

– Живи вечно, Непобедимый! Не стоит вспоминать мои титулы. Это я там, в Уасте высокий сановник, Здесь Хуто – простой охотник.

– Как ты нас нашёл? – Хармхаб пригласил его присесть за накрытый стол, вернее, перед куском ткани, что слуга расстелил прямо на земле. Угощение состояло из засохших ячменных лепёшек, кусков наструганного сушёного мяса, да горсти фиников.

– Хуто в юности обошёл все земли Куши и Вават. Мне знакома каждая тропинка в этих горах. – Он достал из мешка флягу из пористой глины и протянул Хармхабу. Пиво каким-то чудом не прокисло и приятно охладило горло полководца.

– Не поверю, что ты соскучился по проклятой Куши. Тоскливей этих гор я ничего не видел. Даже в красной пустыне веселей.

– Кто-то любит красную пустыню, кто-то боготворит Оазисы Жизни³⁸, а для меня горы Куши – родной дом, – не согласился Хуто. Лицо его оставалось каменным. – Но я прибыл

³⁸ Оазисы Жизни – Фаюмский оазис. Отделён от долины Нила грядой холмов и песками Ливийской пустыни. Представляет собой тектоническую впадину и находится на 43 м ниже уровня моря.

не развлекаться охотой. Из донесений, что приходят от тебя, я понял: у Хармхаба дела идут неважно. Пришлось отпроситься у правителя, и отправился в Бухен, затем по твоему следу – в горы. Может от меня, как от воина толку мало, но как разведчик – пригожусь.

– Сам видишь, – сокрушённо покачал головой Хармхаб, – война затянулась. Я теряю воинов. Громкими победами похвастаться не могу. Скверно! – Он надкусил лепёшку, поморщился.

– Не все так мрачно, – не согласился Хуто. – Я только что из Бухена. В городе спокойно. Беженцы возвращаются на свои земли. Хеви собирает неплохую дань.

– Обидно то, что я – непобедимый полководец Кемет, не могу справиться с кучкой дикарей.

– Возможно, – согласился Хуто, отставляя в сторону флягу и принимаясь грызть сушёное мясо. – Но племена нехсиу уже не та кучка дикарей, которых громил Небпехтира Яхмес, и даже не те, что покорились Менхеперура Тутмосу. Ты встречался с воинами из племени Большого Слона?

– Да. Одного сам лично зарубил.

– Большой Слон все и затеял.

– А ведь когда-то он воспитывался в Доме Ликования среди сыновей дворца. Служил у меня чезу лучников, – негодовал Хармхаб. – Получал награды.

– Не переживай. У нехсиу силы не безграничны. Большой Слон обещал другим вождям скорую победу и богатую добычу. Однако война подходит к третьему разливу, но богатой добычи нет. Некоторые вожди перестают верить Большому Слону. Возмущаются: им было намного выгодней дружить с Кемет, торговать, нежели воевать против неё.

– Твои слова вселяют надежду. Если так, то с нехсиу скоро покончим.

– Возможно. Но твои враги есть и внутри страны. Не забывай про Дом Ранофре.

– Что еще нужно этим собакам? Они вновь показывают зубы?

– Сам Ранофре не при чем. Ты его отстранил от командования колесничими Амуна, при этом достойно наградили. Он остался доволен. Теперь Ранофре праздно проводит время в загородном дворце среди олив и сикомор, в окружении любящих обнищавших родственников. Другое дело – Небнуфе.

– Вот ты о ком! Шелудивый пёс приполз на брюхе к хозяину и скулил, вымаливая прощения. Теперь он вновь рычит? – Аппетит совсем пропал.

– Небнуфе завоевал большое доверие у правителя. За его спиной, надо признать, большие дела для блага Кемет. Да и Дом Ранофре поддерживает этого скорпиона.

– Как на это смотрит Эйя? Неужели простил ему все?

– Эйя решил, что Небнуфе достаточно наказан. После смерти правителя Эхнейота, когда братьев обвинили в заговоре, Небнуфе лишился всех домов и земель. Оба брата его погибли. Кстати, одного ты лично прирезал.

– Так, кем он сейчас служит? – Хармхаб отхлебнул еще немного пива из фляги Хуто.

– Ему доверили корабельное дело. Он следит за судоходством по Хапи. Еще он поставлен старшим над строителями храмов – очень ответственная и высокая должность.

– Этот скорпион подослал ко мне убийцу, – пожаловался Хармхаб.

– Я знаю. Встретил Амени. Он поведал мне о нападении на твой лагерь. Но только убивать тебя никто не собирался. Небнуфе хотел все сделать хитрее.

– И как же?

– Хармхаб терпит поражение за поражением. Воины гибнут сотнями. Результата никакого. Что могут сказать о таком полководце?

– Что он бездарен, и Боги больше ему не покровительствуют, – сообразил Хармхаб. – Тут же забудут все его предыдущие победы. Признают в нем тупого старика и заставят правителя

лишить должности. Дадут дом с землёй где-нибудь в Оазисах Жизни, а через пару сезонов отравят или придушат во сне.

– Хороший план, – согласился Хуто. – Стране нужен будет новый полководец. И к должности твоей рвётся ни кто иной, как все тот же Небнуфе.

– Почему бы и нет? Он моложе меня. Опыт в войне у него есть... Ну, гиена! – Хармхаб хрустнул пальцами, крепко сжимая кулаки. – У тебя есть мысли, как обхитрить его? Ты только что из Уаста. Тебе должно быть известно настроение двора.

– Знаю одно: спешить не стоит. Пока у тебя крепкая армия, способная выстоять против нехсиу, никто даже пикнуть не посмеет, что Хармхаб стал слабым. А если ты одержишь громкую победу над племенами нехсиу – никто не дерзнёт даже косо взглянуть в твою сторону.

– Да, – усмехнулся Хармхаб. – Осталось только одержать громкую победу.

– Надо допросить пленника, – предложил Хуто. – Надеюсь, он выжил после кувыркания по откосу?

– Представляешь, даже ничего не сломал. Лекарь только челюсть ему вправил. Но это уже ты приложился.

– Тогда приступим. – Хуто поднялся.

Пленник сидел на земле со связанными за спиной руками. Двое стражников охраняли его. Он оказался мускулистым высоким воином с чёрной лоснящейся кожей и короткими жёсткими кучеряшками на голове. При приближении Хармхаба и Хуто, воин оскалится, показывая белые ровные зубы, начал плевать. Из горла его вырвались страшные ругательства. Он всем видом показывал, что презирает врага, и никакие пытки ему не страшны.

– Как будем пытать? Огнём? Или попробуем пальцы ломать? – предложил Хармхаб. – Не нравится мне... Не умею я...

– Пытать его бесполезно, – покачал головой Хуто. – Видишь, на груди татуировку слона? Он из земель Кехет. Воины из земли Кехет умеют переносить боль и преодолевать страх. Скажу больше: перед тобой сын Большого Слона.

– Неужели! – обрадовался Хармхаб. – Что скажет папочка, когда узнает, что его отпрыск в плену?

– Ничего, – разочаровал его Хуто. – У Большого Слона около сотни жён и наложниц, столько же сыновей.

– Что ж тогда будем делать? Пытать – бесполезно. Отцу на него наплевать, – растерялся Хармхаб. – Не уговаривать же его с помощью сладких пирожков.

– Я знаю, чего боятся нехсиу. – Хуто вынул бронзовый нож и очертил на земле круг, внутри которого оказался пленника. Нехсиу принялся ругаться еще сильнее. От усилия подпрыгивал на месте. Пытался дотянуться до Хуто и укусить. Но охотник не обращал на него внимание, продолжал заниматься своим делом.

Когда же на земле из-под кончика ножа появилось несколько непонятных иероглифов, пленник неожиданно притих и с ужасом взглянул на Хуто. Он попытался выползти из круга.

– Не давайте ему покинуть границу, – приказал Хуто охранникам, и те копьями загнали пленника обратно в круг. Он извивался, пытаясь высвободиться, но путы крепко врезались в руки. Здоровенный воин-нехсиу неожиданно разрыдался, словно ребёнок.

– Что это с ним? – Хармхаб сам испугался.

– Я очертил магический круг и написал имя злого духа Ухусахи, – объяснил Хуто. – Все, что находится внутри круга, принадлежит этому духу.

– Ухусаха? Когда-то слышал я про это божество, – попытался вспомнить Хармхаб.

– Злой, и жестокий дух, с телом человека и головой пантеры. По приданию, он живёт под землёй в пещерах, полных чудовищ и огненных озёр. Божество нападает на людей и съедает их печень. После этого несчастный вечно должен жить в подземном царстве и служить рабом у Ухусахи. И никаких полей блаженства ему не светит. Никаких божественных лесов, полных

дичи. Удел души – вечно прозябать во мраке, к тому же неустанно служить рабом злобному чудовищу.

– И все? – удивился Хармхаб. – Ловко ты его...

– Я сейчас буду читать заклинания. Пусть несколько воинов повернутся в сторону запада, протянуть руки и громко зовут Ухусаху, – попросил Хуто.

Хармхаб подозвал воинов и приказал им сделать, как велел охотник. Двое из местных маджаев сразу отказались наотрез. Они упали на колени и молили полководца не произносить имя этого духа.

– Маджаев отпусти, – посоветовал Хуто. – Имя Ухусахи может писать и произносить, по их поверьям, только заклинатель, уверенный в своих силах. Любой другой смертный, кто посмеет вызвать духа, вскоре же умрёт.

– Ты же не заклинатель, – удивился Хармхаб.

– Я и не маджай. Амун хранит меня. – Хуто погладил широкой ладонью золотое крылатое солнце, висевшее на груди.

Охотник принялся произносить непонятные слова жутким утробным голосом. Даже у Хармхаба мурашки забегали по спине. Пленник взвыл, словно перепуганный до смерти маленький мальчик. Из глаз его брызнули слезы. Он забился в истерике. Хуто нагнулся и спросил что-то на языке нехсиу. Пленник усиленно закивал. Казалось, голова отвалится.

– Теперь можешь спрашивать у него все, что захочешь, – объявил Хуто Хармхабу.

– Так просто? – удивился военачальник. – Надо будет записать этот обряд. Пригодится.

Из слов пленника выяснили, что нехсиу готовят дерзкую вылазку. Большой Слон понял, что с Кемет способом мелких пакостей воевать бесполезно, решился на отчаянный шаг. Одним словом, он хочет собрать все племена и неожиданно напасть на Бухен. Уничтожение самого надёжного форпоста Кемет на юге очень сильно подорвёт репутацию главнокомандующего Хармхаба и его друга, наместника правителя в Куши, Хеви. Да и после такой потери, как крепость Бухен сама Кемет еще долго не оправится.

Большой Слон все отлично рассчитал. Пока Хармхаб выскивает его за третьими порогами, воины нехсиу вдоль реки спустятся к Бухену. Даже если город взять не удастся, – стены крепкие, двойное кольцо укреплений, ров с водой, – все равно, перепугают местных жителей по всей округе, сгонят их с мест, перережут скот, засыпят оросительные каналы, сожгут поселения, потравят поля. После такого дерзкого набега многие вожди Куши, кто до сих пор сомневался, к кому примкнуть: к восставшим или к Кемет, обязательно приползут на брюхе к Большому Слому, моля о дружбе и предлагая своих воинов.

– Умно придумал, – покачал головой Хармхаб. – Мы ушли из города и оставили Бухен под защитой небольшого гарнизона. Но сам Большой Слон до такого бы не докумекал. Тут надо было все тонко рассчитать: выманить меня подальше в горы, собрать большие силы. Спросика у этого выроodka: откуда у них оружие. Еще спроси: кто надумил Большого Слона напасть на Бухен.

Хуто повторил вопрос на местном диалекте. Пленник отвернулся, не желая отвечать. Но Хуто настаивал, пригрозив Ухусахой. Нехсиу тут же все рассказал. К Большому Слому прибыл тайный посланник из Уаста, от кого – он не знает. Вождь беседовал с посланником с глазу на глаз. Посланник привёз много оружия и украшений.

– Имя посланника? – насторожился Хармхаб.

– Мексеб, – выдал пленник.

– Надо спешить в Бухен, – встрепенулся Хармхаб. – Дела совсем плохи.

– Погоди, – остановил его Хуто. – Сперва продумаем все до мелочей.

Они отошли подальше от пленника и уселись прямо на земле. Солнце закатилось за вершины гор. Вечерний ветерок принёс прохладу, хотя камни продолжали источать жар.

– Если повернёшь армию обратно к Бухену, нехсиу снова исчезнут в горах и затаятся, – размышлял Хуто. – Они не будут с тобой вступать в открытый бой. Пусть их больше, но нехсиу боятся тебя и твоих отважных менфит.

– Согласен. Но мы пойдём быстро.

Хуто с сомнением поглядел на больную ногу полководца. Сказал:

– У нехсиу кругом лазутчики. Они следят за перемещением войска.

– Как в таком случае поступить?

– Войску надо исчезнуть и неожиданно появиться под Бухеном.

– Это как? – усмехнулся Хармхаб

– Я знаю одну тропинку, узкую и опасную, по которой мы незаметно выйдем прямо к берегу Хапи. Об этой тропе мало кто знает: только горные козлы да охотники. Пусть Большой Слон думает, что ты по-прежнему тащишься через горы к землям Ирчет. Пусть он попытается осадить Бухен, а мы окажемся у него за спиной.

– Думаешь, удастся?

– Все зависит от тебя и от твоих воинов, Непобедимый, – рассудил Хуто. – Оставь слабых и раненых под присмотром лекарей. Не надо брать с собой тяжёлое оружие и обоз. Сейчас пусть все хорошенько отдохнут. Завтра предстоит тяжёлый переход. Охрану выставь небольшую. Я сам осмотрю все расщелины в округе. Если где-нибудь прячутся разведчики, им не уйти от моего ножа.

– Ты еще не потерял сноровку охотника? – удивился Хармхаб. – Я думал, светская жизнь размягчит тебя, как кусок воска на солнце.

– Только ради детей и любимой жены я таскаюсь за правителем на всех нудных церемониях, – с презрением поджал губы хранитель лука и стрел. – В душе Хуто всегда остаётся охотником.

Хуто исчез в надвигающихся сумерках, как будто растворился. Хармхаб бросил на голую землю плащ. Солнце совсем скрылось, подсвечивая западный край неба багровыми красками. Воздух остывал, но земля до сих пор хранила тепло. Произнеся молитву Амуну, полководец улёгся на плаще и осторожно вытянул больную ногу. Как только все мышцы расслабились, усталость разом придавило тело к земле.

В кострах трещали головёшки. Искорки по замысловатым спиралям взмывали в темнеющее небо и сливались с, пока еще бледными, звёздами. Под ухом застрекотал неумолимый кузнечик. Вот у кого нет забот! С другой стороны кто-то хныкал. Это еще что? Хармхаб приподнялся на локтях. Мальчик с перебинтованной головой сидел отдельно от всех. Он подтянул костлявые колени к лицу и подёргивал худенькими плечиками. У Хармхаба вдруг все сжалось внутри. Ни с того ни с сего стало жалко этого малыша. Он тут же вспомнил себя, такого же маленького, с душой полной обид на жрецов, что били его палками за плохую учёбу, на воинов, что вечно ругали и отпускали подзатыльники. Ну что у него за детство? Вырастет озлобленным, безжалостным. В чем он виноват?

Военачальник поднялся и подошёл к мальчику. Тот сразу же прекратил хныкать, быстрыми движениями узкой ладошки размазал слезы по грязному лицу.

– Ты ел? – спросил полководец.

– Да, – не задумываясь, ответил Сети.

– Понятно. Эй! – окликнул одного из своих телохранителей. – Накорми мальчишку. Посмотри, у кого осталась горячая каша.

Мальчик жадно глотал варёную полбу. Все губы перемазал. Долго вычищал дно керамической миски куском чёрствой лепёшки.

– Не спеши. – Хармхаб налил в медную кружку воды, капнул из глиняной фляги немного уксусу, протянул Сети. – Запей. Как голова? Болит?

– Нет!

Мальчик громко глотал воду. Чуть не подавился.

– Доел? Ложись сюда на плащ. – Военачальник укутал мальчишку в свой плащ. Сам прилёг рядом прямо на голую землю.

Ну, Парамессу! Ох, отругаю его, за то, что прислал мне такого воина. Совсем же ребёнок, – были последние мысли полководца, перед тем, как он провалился в глубокий сон.

Глава третья

Ну и путь выбрал Хуто – без ног останешься! Действительно – тропа для горных козлов. Да тут даже козлов не видно. Змеи, и те редко попадались. Чем они тут только питаются? Сам Хуто ранним утром покинул войско. Охотник с десятком самых выносливых лучников-маджаев отправился разведывать дорогу. По пути оставлял метки, чтобы Хармхаб не сбился с дороги. Охотник хотел поспеть к Бухену раньше нехсиу и предупредить наместника Хеви об угрозе.

Коней пришлось распрягать и вести в поводу. Колесницы тащили на плечах. Иногда приходилось взбираться чуть ли не по отвесным скалам. К этому надо добавить невыносимое пекло и обжигающий ветер, приносящий тучи мелкой пыли. Обоз сразу же безнадежно отстал. Хармхаб распорядился взять только ослов. Они более приспособлены к горам. На животных нагрузили оружие немного продовольствия и воды. Волон и мулов с телегами оставили в долине под присмотром небольшого отряда.

То вверх, то вниз. Камни срывались из-под ног. Кожа на спине сохла от солнца. Рот, словно набит песком. Язык распух и совсем не хотел ворочаться. На зубах противно скрежетали песчинки. Головная накидка покрылась пятнами от соли. Давненько Хармхаб так не потел. Про колена он старался не думать, привык к тупой боли и не обращал на неё внимание.

Когда же закончатся эти жёлтые скалы! Хоть бы облачко выплыло и на время прикрыло жгучее солнце. Нет же, небо прозрачное, чистое, раскалённое. Опять вверх. Опять камни выскальзывают из-под ног. Держись за выступы в скале. Ладони обжигает, словно дотронулся до жаровни. Сердце надрывается, тяжело ухая где-то в животе.

Наконец безумные подъёмы и головокружительные спуски кончились. Хармхаб вытер липкий пот со лба и с облегчением вздохнул. После очередной побеждённой вершины перед ним открылась гряда бесконечных зелёных холмов. И где-то там, почти у горизонта призрачно блеснул, дарующий жизнь всему живому, Великий Хапи. Неужели все? Одолели! Теперь идти будет легче.

– Привал! – скомандовал Хармхаб.

Солнце быстро катилось к горизонту. Жара отступала. От далёкого Хапи пахло прохладой, принося облегчение уставшим людям и утомившимся животным. Расставили часовых. Кто еще был в силах, разводил костёр и готовил еду. Большинство же воинов рухнули на землю и тут же уснули.

Хармхаб глотнул противной тёплой воды с примесью кислого вина. Немного взбодрился. Нога почти не болела. Опухоль сошла, оставляя жёлтые и фиолетовые пятна кровоподтёков. Когда же все это кончится, – взбурлило в душе. – Проклятая Куши с ее неугомонными, презренными нехсиу! Завтра он покончит с ними! Раз и навсегда! Чтобы больше не возвращаться сюда. Никогда!

Хеви, наместник Та-Кемет в Куши бегал глазами по столбикам иероглифов. Только что с кораблём казначейства прибыло письмо от верховного жреца Эйи. Вскрытый тонкий цилиндрический чехол чёрного дерева лежал на столе. Коричневая восковая печать с оттиском скарабея бала аккуратно срезана ножом.

В послании мудрейший требовал подробного доклада о ведении боевых действий. Между строк сквозило недовольство по поводу столь затяжной компании, не приносящей весомых результатов. Хармхаб с войсками совершает рейд за рейдом по беспокойным землям, а нехсиу все так же нагло нападали на мирные племена, подвластные Кемет. Ни один мятежный вождь

еще не схвачен, а средства на содержание армии утекают, как воды Хапи в Великую Зелень.³⁹ Если дальше так будет продолжаться, Эйя вынужден прислать писцов с проверкой.

Скверно! Только проверок еще не хватало. Приплывут холенные, надменные чинуши, ничего не смыслящие в войне, будут задавать глупые вопросы, совать нос во все углы. Да еще их надо будет кормить и поить. Полбу они жрать не будут. Им чечевицу подавай, да еще с мясом, и хлеб белый. Вино лучшее, выдержанное, от пива будут морду кривить. А хоть слово им скажешь поперёк, так тут же начнут жалобы строчить в Уаст.

Хеви отложил папирус, поднялся со стула, прошёлся по длинной колоннаде, выходящей в сад. От крыльца с резными каменными колоннами дорожка бежала среди развесистых сикомор и строгих кипарисов, заканчивалась перед небольшим семейным храмом. Хеви неспеша направился вглубь сада, размышляя, как бы лучше ответить мудрейшему.

В тени деревянной резной беседки покоились две каменные стелы. Одна посвящалась солнечному богу Йоту, другая – Амуну. У входа еле заметно чадила масляная лампадка. Хеви взял с полки деревянную плошку в виде руки с открытой ладонью, насыпал благовоний и подкурил от лампадки. Терпкий ароматный дымок весело закружился внутри храма. Хеви произнёс молитву Амуну, прося успехов в делах. Покосился на стелу Йота. Надо ее убрать – время Солнечного Бога кануло – или хотя бы имя Йот заменить на имя Ра. Он сегодня же даст задание резчикам: пусть перебьют надписи.

Покончив с молитвой, Хеви зашагал обратно. В глубине сада он услышал голоса. Возле цветущих клумб стояла Меритре. После родов лицо девушки заострилось и побледнело. Но большие карие глаза сияли, как и прежде живым блеском. Повезло же старшему сыну, – улыбнулся Хеви, – назвать сестрой⁴⁰ самую прекраснейшую Дочь Солнца. Чертами она только слегка напоминали отца – Солнечного правителя Эхнейота. Меритре больше походила на мать – красавицу из Нахарины, Гилухепу. Дочь правителя Митаннии, присланная в супруги повелителя Обеих Земель, недолго прожила на берегах Хапи и умерла в юном возрасте, едва разрешившись от родов. Она подарила правителю дочь и ушла в Поля Иалу⁴¹. Уж сколько лет прошло, но Хеви до сих пор помнит, как весь двор восхищался нежной красавицей с далёкого севера. Вот и Меритре унаследовала от матери ту загадочную красоту, которая так и притягивает взгляд. Кожа у Меритре была светлая, казалось прозрачной, не то, что у смуглых местных жителей. Непослушные вьющиеся волосы девушка убирала под тонкую накидку и стягивала узеньким золотым обручем. Просторная белая одежда мягкими волнами спадала к самой земли. Груды большие, полные молока. Талия тонкая, как будто и не рожала вовсе. А ведь уже третий раз порадовала семью.

Чернокожая кормилица следом несла младенца. Тут же появилась супруга самого Хеви – Нефтис. Женщина заботливо усадила Меритре на небольшой стульчик, приказала служанке принести свежего молока и хлеба.

– Не надо беспокоиться, – смеялась Меритре. – Даже при дворе так не заботились обо мне.

– Я совсем немного, – оправдывалась Нефтис и тут же поправляла на Меритре ожерелье из нитей стеклянных бус вперемешку с золотыми пластинами. Заглядывала в лицо, пытаясь угадать, хорошо ли себя чувствует девушка.

Хеви улыбнулся. Нефтис просто обожала невестку старшего сына. Она любила ее больше, чем всех своих пятерых сыновей. Еще бы! Нефтис всю жизнь хотела иметь дочь, но родились

³⁹ Великая Зелень – Средиземное море.

⁴⁰ Назвать сестрой – взять в жены.

⁴¹ Поля Иалу (египетское «поля камыша») – в древнеегипетской мифологической традиции часть загробного мира (Дуата), в которой праведники обретают вечную жизнь и блаженство после суда Осириса. Поля Иалу стали прообразом Елисейских полей в древнегреческой мифологии.

только мальчишки. Теперь, наконец, в доме появилась невестка, да еще какая! Красавица. Принесла трёх внуков, не считая Миамун...

Хеви нахмурился, подумав о Миамун. Он вспомнил, как старший сын Амени приплыл в Бухен после долгого похода в Нахарину. Возмужалый, с остывшим взглядом. На широкой груди награда золотого льва от самого Хармхаба. Приплыл не один. Он предстал перед родителями, держа за руку Дочь Солнца, и объявил, что Меритре стала его сестрой. Радости не было конца. Но Хеви с Нефтис удивились, когда узнали, что у Амени и Меритре уже есть дочь. Когда они успели? Малышка Миамун. Но ей уже исполнилось года три. Миамун никак не могла быть дочерью Меритре. Вскоре им все объяснили...

Родной брат Хеви, жрец Амуна, один из совета Мудрейших, Аменнеф прибыл следом. Хеви чуть не сошёл с ума от радости. Он считал брата погибшим. Аменнеф состоял в касте жрецов Амуна и бесследно пропал во время правления Эхнейота, когда обезумевшая толпа громила храмы и убивала жрецов. Поминая в храме всех предков, он приносил жертвы и за Аменнефа. И вдруг – живой, да еще в высоком сане верховного жреца Амуна.

После долгих горячих объятий, за кувшином вина в тенистом саду, Аменнеф поведал о своих безрадостных скитаниях, о горькой жизни в изгнании и о возвращении на берега Хапи. И в конце, понизив голос, он раскрыл тайну маленькой Миамун. Она – последняя дочь Эхнейота и второй его супруги Кийи. Хеви чуть не подавился. Но причём здесь Амени? А с Кийей что произошло?

История запутанная. До конца никто ничего не знает. Даже он, верховный жрец Амуна строил картину происходящего по слухам. Кто-то утверждал, что Кийя должна была принести Эхнейоту долгожданного наследника. Но после рождения дочери, Солнечный правитель разочаровался в супруге. Сколько можно! У Нефернефруйот⁴² родилось пять дочерей. От принцессы из Нахарины – тоже дочь. Правителю нужен был наследник. Кийя – его последняя надежда. Но и она не оправдала ожиданий. Эхнейот резко охладил к супруге и стал искать замену. Но опять же – это все слухи. Кийя не на шутку перепугалась. Что могло ожидать Кийю? Конечно же, ссылка в далёкое захолустье и полное забвение. А она была женщина своенравная и чересчур гордая. Вот в этот момент к ней и втёрлись в доверие братья Нетшук, Небнуфе и Сенуфе из могущественного дома Ранофре. Что дальше произошло, жрецы допытывались долго, но так до конца и не нашли достаточно доказательств. Вроде бы Кийя подсыпала яд в вино правителю. Эхнейот помутился рассудком, ослеп и вскоре умер. После началось самое интересное. Кийя захотела сама стать у власти, поминая великую правительницу Хатшепсут. И ее поддерживали многие знатные люди. Но братья? Разве можно их было оставить в живых? Однако Кийя недооценила могущество дома Ранофре. В одно прекрасное утро ее покои нашли пустыми. Где она – до сих пор неизвестно. Никто ничего не видел и не слышал.

А как же Миамун? Спустя некоторое время после того, как правитель Семенхкерэ отправился к Солнцу, утонув в оросительном канале, в Уаст явился жрец, хранитель истины. Приплёлся из далёкого храма, где-то вблизи Великих Пирамид. Одет в лохмотья, вместо посоха – простая палка, за спиной узелок с ребёнком. Жреца привели прямо к Аннемефу. Тот развернул узелок. Маленькая девочка. Ее подкинули к порогу храма. Бывает такое. Жрецы обычно подкидышей отдают в хорошие семьи. Но у этого ребёнка на запястье был привязан золотой анх с именем и страшным заклятием. Именно из-за этого заклятья никто не посмел убить ребёнка, а подбросили в храм. Жрец не раздумывая, сразу же направился в Уаст.

Времена беспокойные. Династия правителей вымерла. Хорошо хоть остался Тутанхамун, которого тот час же посадили на трон. Но случиться могло всякое. Знатные дома тайно, а порой и открыто принялись бороться за власть. Если девочка окажется в каком-нибудь из противо-

⁴² Нефертити – «Прекрасная красота Атона, Красавица Пришла» – «главная супруга» древнеегипетского фараона XVIII династии Эхнатона (ок. 1351—1334 до н. э.)

борствующих домов, те могут потребовать признать ее наследницей. Жрецы ничего не придумали лучше, как только возвестить, что Миамун является дочерью Меритре и Амени и спрятать ее подальше в Куши.

По настоянию Аменнефа, Дом Хеви скрывал от всех происхождение миленькой круглолицей девчушки с большими черными глазами и обворожительной улыбкой. Но наместник тревожился день ото дня: чем старше становилась Миамун, тем больше бросалось в глаза, что она совсем не похожа на своих названных родителей. Кто знал вторую жену правителя Эхнэй-ота лунолицую Кийю, взглянув на Миамун, сразу бы признался, что видит ее копию. А немного тяжеловатый подбородок и вытянутый назад затылок напоминал о настоящем отце – божественном Сыне Солнца. Какая дальнейшая судьба ожидает ее? Станет ли она супругой высокого писца или отважного воина. Нарождает ему милых деток и проживёт спокойно всю жизнь, не ведая, что в ее жилах течет божественная кровь. А может... Убереги ее Амун! Хоть Аменнеф и брат ему, но Хеви не позволит использовать девочку в хитроумных жестоких планах жрецов. Она стала наместнику родной. Хотя... Чем он помешает? Если великое жречество потребует, разве он сможет противиться?

Миамун появилась тут же в саду в лёгком белом платье. Широкий пояс стягивал ее тонкий детский стан. Черные жёсткие волосы, сплётённые в толстую косу, спускались на левое плечо. Она вела за руки двух младших братьев. Хеви залюбовался. Он чувствовал себя счастливейшим человеком на земле – глава большого семейства.

Рисут⁴³ отвлек его. Слуга доложил о прибытии высокого гостя. Хеви поспешил во двор для приёмов. Перед ним предстал хранитель лука и стрел правителя. Странно, но Хуто выглядел совсем не как высокий сановник. Вид у него был утомлённый, сандалии чудом держались на ногах, лицо и плечи обожжены солнцем.

– Живи вечно! – поздоровался Хуто.

– Здоровья и силы! – ответил наместник. – Ты весь в пыли. Ноги сбиты. Откуда?

– Я только что от Хармхаба, – коротко бросил Хуто. – Дело срочное. Нехсиу должны напасть на Бухен.

– Напасть? – не поверил Хеви. – На Бухен?

– Часть плывёт по реке, другие пробираются по берегу.

– У них хватит смелости напасть на город?

– Они надеются, что Хармхаб завяз где-то в горах и не успеет прийти на помощь.

– Где сейчас Непобедимый? – забеспокоился Хеви.

– Полководец ведёт войско по тайной тропе и скоро придёт на подмогу.

Хеви повёл гостя в дом. В своём рабочем кабинете он предложил Хуто стул и налил холодного вина в серебряную чашу.

– Нехсиу много? – озабоченно спросил Хеви, разворачивая на столе свиток папируса с подробной картой окрестностей Бухена.

– Много. Советую созвать гарнизоны из всех близлежащих крепостей.

– Согласен. Если не удержим Бухен, – от остальных укреплений толку мало.

– Я постараюсь быстро по реке добраться до Острова Слонов и потребовать помощи у Начальника Южных Врат⁴⁴. Надо не просто отбить нехсиу – надо их уничтожить. Обязательно взять в плен Большого Слона.

– Если сам Большой Слон возглавляет повстанцев – дело серьёзное. – Хеви склонился над картой. – Вот здесь, – ткнул он пальцем в край пергамента. – Крутой откос – хорошее место для встречи. Дорогу завалим камнями. Река сужается, течение быстрое. На лодках это место

⁴³ Рисут – слуга.

⁴⁴ Южные Врата – место, где заканчиваются первые пороги Нила и начинается судходное русло.

пройти трудно. У нехсиу единственный путь – лезть вверх по откосу. У меня хватит сил отбить несколько атак, к ночи отойдём и укроемся в стенах города. Выиграем день и измотаем нехсиу.

– Хороший план, – одобрил Хуто. – Но если они обойдут хребет вот по этому пути, – показал он узкий проход в скалах. – Окажутся у тебя в тылу. Тогда ты не сможешь отступить к Бухену.

– Рискну, – все же решил Хеви. – Не люблю отсиживаться за стенами. В ущелье отправлю разведчиков. Если нехсиу попробуют обойти, разведчики успеют предупредить.

– Хранит тебя Амун, – пожелал охотник наместнику.

Лазутчики нехсиу появились ранним утром. Они прятались среди зарослей кустарника, пытались незаметно подползти к стенам. Хеви приказал не трогать их, как будто в городе ни о чем не подозревают. Даже городские ворота оставались открытыми настежь. На сторожевых башнях часовых не выставлял, только возле ворот дремали двое охранников. Все, как обычно: Бухен жил мирной жизнью. Погонщик вывел цепочку ослов, навьюченных тюками с товаром, и направился по своим делам. Высокий смуглый молочник спешил на торжище, неся на плече большой кувшин со свежим молоком. Мясники вели быков в город, чтобы забить на мясо. Волы тащили телегу, доверху нагруженную овощами и зеленью. Между тем гарнизон Бухена готовился вступить в бой. Всем мужчинам, выдали со складов оружие и сандалии. Оружейники работали с раннего утра до поздней ночи, мастера стрелы, щиты, копья.

Вскоре вражеские лазутчики исчезли. Маджаи проследили за ними. Доложили наместнику, что нехсиу скрылись в степи.

Хеви отдал приказ войску быстро, без лишнего шума выдвигаться из города.

Дорога резко сбегала вниз. Полукругом обрывался скалистый берег. Внизу просматривалась узкая полоска суши и дальше бурлила река. Для наступления путь один – вверх по дороге. Хеви отдал приказ соорудить завал. Воины при помощи палок вывернули несколько валунов и скатили вниз. Теперь путь закрыт. Осталось ждать.

Вокруг тихо и пустынно. Воины напряжённо ждали, не выпуская оружие из рук. Только жрецы бормотали заклинания, насылая порчу на врагов. Хеви заметил в верховьях реки тёмную чёрточку, за ней появились еще несколько. Чёрточки приближались и превращались в длинные узкие лодки из просмолённых связок камыша. В каждой набилось человек по двадцать вооружённых нехсиу. Сначала с десятков лодок, потом еще и еще, скоро вся река кишела челноками, словно откуда-то с верховьев перебиралась огромная стая крокодилов. Лодочки причаливали к берегу, поросшему высоким папирусом. Воины выбирались на сушу и бесшумно, быстро двинулись по дороге, уверенные, что их никто не ждёт.

Впереди большая добыча. Проклятые бледнокожие поплатятся за свою беспечность. Ответят за все обиды.

Хеви разглядел предводителя. Пышный головной убор из перьев колыхался на макушке могучего воина. Большой мясистый нос протыкала кость и загибалась острыми концами кверху, напоминая бивни слона. Наместник узнал главного зачинщика восстания – Большого Слона. Вождь усиленно жестикулировал руками, подгоняя воинов. А лодки все прибывали. Сколько же их! Нехсиу еще никогда не собирали такое огромное полчище.

А это кто? Хеви заметил среди черных тел в соломенных набедренниках бородатого бледнолицего человека с перебинтованной головой. Пленник? Нет. С оружием. Переговаривается с вождём. Неужели предатель? Похож на шерданы. Точно – предатель! Амени ему рассказывал, как Хармхаба пытался отравить Мексеб. Его поймали, но предателю удалось сбежать. Амени шёл по его следу, но попал в засаду, устроенную нехсиу. Еле отбился. А голова перевязана, потому что Амени отрезал предателю ухо.

Нехсиу, тем временем, направились вверх по дороге. Путь преградил завал из камней. Самые смелые попытались перелезть, но тут же были сброшены обратно. Хеви приказал лучникам открыть стрельбу. Рой стрел взвилась в воздух и жалящим дождём посыпалась на головы

нападавших. Нехсиу немного растерялись, но сразу же опомнились и ринулись на штурм. В отваге им не занимать. Неся потери, они поднимались по откосу и вступали в схватку с воинами наместника. Хеви бросил вперед тяжёлую пехоту. Стена прямоугольных щитов и длинные копья заставили нехсиу откатиться назад.

А лодки все прибывали.

Нехсиу ринулись во вторую атаку, на этот раз более организованную. Бой перекинулся через завал. Нехсиу настырно лезли вперед. С огромным усилием, воины Кемет вновь откинули врага, хотя порой казалось, что нехсиу вот-вот прорубят строй. Наступило небольшое затишье. Противники собирались силами. Хеви с тревогой заметил, что теперь уже по суше прибывают воины с овальными разукрашенными щитами. Племена земель Тумеху – узнал он – отчаянные и бесстрашные. К тому же они вооружены не короткими копьями с кремневыми наконечниками, а настоящими бронзовыми топорами. И лучники у них меткие. Охотники из земель Тумеху частенько наведывались в Бухен со слоновыми бивнями, черным деревом и живыми обезьянами. Но меняли товар не на зерно и одежду, а на топоры и наконечники для стрел. Когда Хеви запретил менять товар на оружие, вожди Тумеху пришли к нему и божились, что топоры им нужны для заготовки чёрной древесины. Они с Кемет воевать не будут. Их племена занимаются только мирным трудом. Как же! Вон они – в боевой раскраске.

Вновь нехсиу бросились в атаку. Пригибаясь, почти к самой земле, воины, словно ящерицы быстро двигались вперед. Их прикрывали лучники. Стрелы смертоносными стаями проносились над головой то в одну, то в другую сторону. Хеви сам возглавил оборону. Вооружившись небольшим прямоугольным щитом и серповидным бронзовым клинком, он встал перед строем копейщиков. Рядом вырос Амени. У того в руке сверкал длинный прямой хеттский меч. Только он мог в совершенстве владеть этим иноземным оружием, да еще прикрывался ассирийским круглым щитом. Не каждая рука удержала бы такой тяжёлый медный щит.

Хеви встал в удобную стойку: левое колено чуть согнуто, правая нога сзади упирается в землю. Рядом почувствовало Амени, жар, исходящий от его разгорячённого тела. Первый нехсиу поднялся во весь рост и кинулся на наместника, занося топор. Удар. Нападавший полетел назад с разбитой головой. Щитом отбил копье, рубанул в ответ – нехсиу сложился пополам с распоротой грудью. Краем глаза Хеви замечал, как рядом мелькает меч Амени. Он увёртывался от кремневых наконечников копей. Острие меча неожиданно вылетало из-под ассирийского щита и разило как жало финиковой осы. Попробуй угадать, когда вылетит из-под щита клинок. Это Амени у аккадцев научился такому приёму.

Вокруг кипела битва. Брызги крови летели во все стороны. Раненые стонали под ногами. Дико орали дерущиеся. Трещали черепа. Запах пота и крови бил в нос.

Нехсиу вновь откатились назад. Выдохлись! Хеви осмотрел свой строй. Бойцов поубавилось. Убитых оттащивали назад и складывали рядком. Много раненых. Лекари вынимали наконечники стрел из разорванной плоти. Перевязывали раны. Хеви взглянул на солнце. Жёлтый раскалённый шар прошёл зенит. Пора отступать к городу. Еще одной атаки не выдержать. Надо укрыться за стенами. Вот теперь пусть попробуют штурмовать город. Силёнок не хватит!

– Наместник! – К нему подлетел один из маджаев-разведчиков.

– Говори!

– Нехсиу обходят нас по ущелью.

Хеви в пылу сражения совсем забыл об этом проклятом ущелье. Ведь Хуто его предупредил!

Отходили быстрым шагом. Раненых несли на щитах. Хеви возглавлял колонну. Амени с лучниками прикрывал отход. Впереди показались высокие зубчатые стены Бухена, позолоченные заходящим солнцем. Неужели успеют проскочить? Дорога из предательского ущелья пуста. Хеви подгонял воинов. Отряд Амени где-то там, в хвосте вступил в перестрелку.

На башнях крепости пылали факела. Бухен готовился к обороне. Стражники распахнули ворота, перед войском.

У Хеви оборвалось все внутри. Со стороны ущелья послышалось завывание нехсиу. Показались и сами разбойники.

– Строй! Держать строй! – скомандовал наместник, понимая, что проскочить к крепости сможет только с большими потерями, да еще есть угроза, что отряд Амени окажется отрезанным. Надо было задержать нападавших. Все оказалось хуже, чем он предполагал. Из ущелья вытекли организованным порядком воины Тумеху. С ними справиться не так-то просто. А Амени еще не подтянулся. Делать нечего, Хеви повёл воинов в бой. Правое плечо онемело от натуги, но Хеви рубил и рубил изогнутым бронзовым мечом. Несколько раз чуть самому голову не раскололи топором. Прочный щит треснул и еле держался на лоскутках кожи.

Но тут прямо на головы нехсиу полетели камни и стрелы, заставляя их отступить обратно в ущелье. Хуто с многочисленным отрядом Острова Слонов подоспел вовремя. Воины Тумеху не просто отступили под их напором – они побежали.

– Буду вечно молиться за тебя, – поблагодарил наместник смотрителя лука и стрел правителя.

Хуто лишь скупой улыбнулся.

Амени последним влетел в крепость. Ворота захлопнулись. Хеви был уже на стрелковой башне. Амени поднялся вслед за ним. Пришёл Хуто.

– Я приказал поднимать камни на стены, – сказал Амени, снимая тяжёлый кожаный нагрудник, чтобы тот не мешал стрелять из лука.

– Сейчас на штурм не пойдут! – уверенно предположил Хеви. – У них нет ни лестниц, ни метательных орудий. Просто так, бревном ворота не вышибить.

– Со стороны реки? – поинтересовался Хуто.

– Не смогут. В это время года течение сильное. Лодки у них лёгкие. Будет сносить.

– Тогда они разгромят все вокруг в бессильной злобе и с рассветом уберутся обратно, – рассудил Амени, перевязывая лёгкую рану на правой руке.

– Возможно, – с сомнением произнёс Хуто. – А может – и нет. Что ж они зря собирались столь огромными силами и шли сюда, так далеко, тщательно готовили нападение, а теперь вернуться ни с чем? Большому Слону нужен Бухен: кладовые города, где полно одежды, зерна и оружие.

– Эти твари что-нибудь попробуют предпринять, – согласился с ним Амени. – Хоть бы Хармхаб подоспел вовремя!

На стенах подняли тревогу. Около сотни чернокожих лучников открыто бежали к воротам города. Предводитель, высокий стройный воин размахивал руками.

– Они хотят с нами вести переговоры? – не поверил Хеви.

– Это же Паитси, вождь племён из земли Таххет, – узнал Амени. – Он привёл своих воинов нам на подмогу.

Паитси с отрядом лучников впустили в крепость. Амени спустился вниз и крепко обнял друга.

– Как тебе удалось проскочить под носом у нехсиу?

Здоровый чернокожий воин растянул полные губы в довольной усмешке.

– Пока они сообразили, кто мы такие, было уже поздно нас преследовать. Со мной воины, готовые умереть, но отстоять город. Мы не боимся Большого Слона и даже диких воинов из земель Тумеху.

В доме наместника собрались знатные горожане. Все при оружии. Хеви отдавал распоряжение: кому какую часть города оборонять, сколько стрелков оставлять на башнях, куда уносить раненых.

Появился гипессару города⁴⁵. Он так же вооружился кинжалом и небольшим щитом.

– На стенах выставил охрану, – доложил он. – Раненых разместили в храме. Стражу на воротах усилил. Только, Хеви, – недоуменно пожал плечами гипессару. – Зачем ты распорядился отдать под охрану ворота Птаха каким-то паршивым ассирийцам? Разве они воюют лучше маджаев?

– Каким ассирийцам? – не понял наместник. – Не отдавал я такого распоряжения.

– Но они сказали, что прибыли вместе с Хуто с Острова Слонов.

– Не было в моем отряде ассирийцев. Поднимай тревогу! – тут же сообразил Хуто. – Я к воротам Птаха.

– Я с тобой! – Амени схватил меч, и ассирийский щит.

– И я с вами! – Кинулся вслед Паитси, ухватив копьё с широким медным наконечником.

Они бежали по опустевшим извилистым улочкам. Их догнала Меритре. Девушка успела переодеться в грубую холстяную одежду с открытыми плечами. Кожаный нагрудник с бронзовыми пластинами защищал тело. Волосы она убрала под высокий кожаный шлем. За спиной висел тугой лук и чехол со стрелами.

– Меритре! – попросил Амени супругу. – Спрячься с детьми в доме.

– И не подумаю, – жёстко отрезала Меритре. – Ты лезешь в самую сечу, а я должна прятаться?

– Ты только после родов...

– И что с того? – разозлилась Меритре. – Руки не дрожат, зрение острое.

– Дети...

– О них позаботятся. Не смей меня прогонять.

– Тогда держись сзади, – сдался Амени.

– Буду прикрывать вас.

Небольшой отряд подошёл к Воротам Птаха вовремя. Предатели – ассирийцы откидывали толстый брус, запиравший створки.

– Остановитесь! – крикнул Амени.

Хуто выхватил кинжал и бросился сразу на двоих. Паитси копьём проткнул ближайшего бородача, затем схватился за топор. Амени еще двоих оттеснил от ворот, орудуя мечом. Меритре метко сняла лучника с башни. Но все же опоздали. Створки ворот распахнулись. По длинному узкому проходу в крепость хлынули нехсиу. Вёл их Мексеб с перебинтованной головой. Хеви с городским отрядом подоспел на помощь. Нападавшим не дали прорваться в город. Битва закипела между внешней и внутренней стеной. Врагов вытеснили и пытались закрыть тяжёлые дубовые створки, но нехсиу с новой силой навалились. До самого рассвета кипел бой с переменным успехом. Нехсиу пробивались к выходу в город, но их раз за разом откидывали назад. Ловкие чернокожие воины взбирались по веревкам на стену. Их сбрасывали вниз. Бой перекинулся на две стрелковые башни, защищавшие Ворот Птаха.

– Отбить башни! – закричал Хеви и сам ринулся вверх по крутой каменной лестнице.

Через несколько мгновений он уже был на площадке для лучников и орудовал серповидным мечом.

С первыми лучами нехсиу все же захватили башни и овладели внешними воротами. Битва продолжалась за внутренние ворота, которые запирали вторую оборонительную стену. Весь проход между стенами был устлан трупами. Нехсиу дрались отчаянно. Еще немного, и враги ворвутся в город. Хеви приказал возводить завалы на улицах, выходящих к Воротам Птаха.

Амени вырвался из сечи и подбежал к Меритре. Кожа на щите висела ошмётками. Меч в зазубринах. Все тело покрывали ссадины и кровоподтёки. Грудь вздымалась от тяжёлого

⁴⁵ Гипессару – глава города.

дыхания. Меритре вместе с отрядом лучников обстреливала неприятеля с крыши ближайшего дома.

– Ты цела? – Амени внимательно оглядел ее.

– Да! А у тебя рана.

– Царапины, – отмахнулся Амени, вытирая тыльной стороной ладони пот вперемешку с липкой кровью. – Иди домой, к детям. Здесь опасно.

– Я быстро, – крикнула она. Шум боя не давал говорить спокойно. – Только покормлю малыша, захвачу стрел и обратно.

Амени проследил взглядом, пока Меритре не скрылась за углом, и вновь кинулся на помощь отцу. Вдруг напор нехсиу неожиданно ослаб. Они бросились бежать.

– Что там? – сквозь частое дыхание крикнул Хеви.

– Бей! Бей! Амун! Бей! – громом прокатилось за стенами.

– Это Хармхаб! Хармхаб с нами! – Обрадовался Амени и увлёк воинов в атаку.

Глава четвертая

Хармхаб, пользуясь тем, что враг увлёкся штурмом, незаметно подошёл сзади, тихо выстроил войско и ударил в тыл. Застигнутые врасплох нехсиу дрогнули. Хоть их было раза в три больше, чем воинов у Хармхаба, но от столь стремительного натиска они попятились. Большой Слон попытался дать бой войску Кемет, но Непобедимый бросил вперед колесницы. Против них чернокожие воины не устояли. Проносясь по полю боя хищной стаей, колесницы оставляли за собой шлейф убитых и раненых. Дикари спасались бегством. Но куда скроешься от быстрых колесниц и метких лучников? Только немногим удалось добраться до берега. Они пытались воспользоваться лодками. И на этот случай Хармхаб позаботился. В камышах, где нехсиу оставили свои суденышки, их ждали в засаде маджаи. Самые отчаянные нехсиу пытались сопротивляться, и были безжалостно убиты. Большинство же дикарей падали на колени и подставляли шеи в знак смирения. Их тут же связывали по рукам. Среди плененных вождей попался и сам Большой Слон.

В саду дома наместника собрались чезу и знатные горожане для празднования победы. Но все как-то проходило тихо, без брагурных речей и хвастливых рассказов о собственных подвигах. Просто закончили очередное тяжелое дело. Здесь на юге стычки с нехсиу – обычное явление. Все понимали, что сегодняшней разгром лишь на время успокоит дикарей, а может, еще больше разозлит. Сколько было этих громких побед над нехсиу во времена Небпехтира Яхмеса, и при Джесеркара Аменхотепе, который дошел с войсками до четвертых порогов. Аахеперкара Тутмос в свое время жестоко подавил восстание в Куши, и, казалось, нехсиу никогда больше не воспрянут. Даже Мааткара Хенеметамон Хатшепсут посылала войска на усмирение южных народов. Но боевой дух нехсиу возрождался вновь. И воинов набирается предостаточно. Женщины нехсиу плодовитые, что волчицы.

Хармхаб похлопал тяжелой ладонью по плечу Хеви.

– Ты здорово держался. Весь в синяках и ранах, но битву вел превосходно.

Хеви болезненно поморщился.

– Какой там! Годы не те. Амени вел битву. Радует одно: дикарей мы успокоили. Хоть передохнем и займемся посевами. На каменоломни надо съездить, да возобновить работу на золотых рудниках.

– Мир наступит вплоть до четвертого порога, – подбодрил его Хармхаб, потягивая охлажденное вино. – Бухен станет самым спокойным городом в Куши. Скоро торговля здесь вновь оживет. Кушиты понесут на продажу черное дерево, слоновую кость, обезьян и шкуры животных. Вернутся беженцы. Зазеленеют поля. Стада будут мирно пастись на лугах. Вновь камнерезы направятся в каменоломни. Мир – это чудесно. Чем больше я воюю, тем больше ценю спокойные дни.

Появился Амени. Свежие раны еще кровоточили, но он не обращал на них внимание. На лице его застыла тревога.

– Я осмотрел всех убитых и раненых возле ворот, – нахмурился он. – Нашли только пять тел ассирийцев. Троиц удалось уйти. И вовсе это не воины Ашшура. Когда мы отбивали ворота, я среди предателей узнал одного. Все тот же Мексеб.

– Этой гадине опять удалось ускользнуть, – разочарованно воскликнул Хармхаб. – Хитрая собака. Но я его достану!

– Не ругайся, непобедимый, иначе разгневаешь духов этого дома. Все позади, – остудила его Меритре.

Она незаметно вошла в комнату с младенцем на руках. Босиком, все в той же грубой льняной одежде, только без нагрудника и шлема. Волосы спадали по плечам до самого пояса черными струящимися локонам.

– Не буду, – пообещал полководец. – Живи вечно и радуй сердце своей красотой! Неужели и ты тоже обороняла ворота, – удивился он, заметив кровь на ее одежде.

– Я – жена воина, – фыркнула Меритре. – Подумаешь, родила недавно. Ходить немного тяжело, да грудь мешает лук натягивать. Но стрелы мои все попадали в цель.

– Восхищаюсь отвагой Дочерью Солнца, – не сдержал восклицание Хармхаб, хотя помнил, что Меритре очень не люби, когда в ее честь произносят хвалебные речи.

– Где Сети? – забеспокоилась Меритре. – Где мальчик?

– Спит, – успокоила ее кормилица, принимая из рук младенца. – Бедняга утомился. Голова разбита и ноги все в синяках. Я его накормила чечевичной похлебкой и дала теплого молока.

– Мальчишка – герой! – похвалил его Хармхаб. – Все время держался возле меня, подавал стрелы. В глазах страх, взгляд как у затравленного волчонка, но не дрожал и не пригибался.

– Мальчика могли убить или покалечить! – упрекнула его Меритре. – Почему ты не оставил в его обозе?

– Всех могут убить, – невозмутимо ответил Хармхаб. – Меня в двенадцать лет могли убить, когда я служил в рядах армии Небмаатра Аменхотеп Хека Уасета. Всем было наплевать: сколько тебе лет. Воин – значит, стой насмерть. Там, под крепостью Джару на севере дикие хабири пытались вырезать нас всех до одного. Они не щадили никого, даже детей. Десять дней мы без крошки хлеба и без глотка воды обороняли крепость... – Хармхаб потребовал у слуги еще вина. – А твой супруг? Амени могли покалечить в Нахарине. Сколько ему тогда было? Пятнадцать? Он уже командовал чезетом. Да и себя вспомни, как ты бросалась в атаку на хеттов вместе с лучниками. Так что, если мальчишка назвался воином – пусть терпит.

– Какие же вы бессердечные! – надулась Меритре. – Пойду, помогу кормилице уложить детей.

– Я с ней согласен, – сказал разумно Хеви после ее ухода. – Мал он еще для войны. Надо строго отчитать Парамессу за то, что прислал мальчишку в самое пекло.

Хармхаб спал долго. Даже опоздал на утреннюю молитву. Хеви приказал не беспокоить полководца: пусть отдохнет, как следует. Когда военачальник встал, Амун-Ра уже высоко сиял на чистом синем небосклоне. Хармхаб размял шею. Позвонки противно хрустнули. Он отвык от подголовников. Деревянный валик, который ему подложили под шею, оказался низким. Колено крутило, но ходьба уже не доставляла адскую боль.

Слуги-кушиты разложили главнокомандующего на каменном столе и окатили теплой водой. Растерли тело мелким белым песком и еще раз окатили. Затем две черные служанки мягко втирали в кожу ароматное масло. Брадобрей выскреб голову острым кремневым ножом и тонко расписал лицо: подвел глаза, очернил брови, подкрасил веки и нарумянил щеки. Хармхаб надел белый головной платок в мелкую синюю полоску. На плечи уложил широкое ожерелье из серебра, меди и вулканического стекла. Отказался от одежды из тонкого выбеленного льна, остался только в набедренной повязке.

– Что желаете на завтрак? – спросил вежливо слуга.

– Мяса, и пожирнее, – распорядился Хармхаб. – погоди! – остановил он рисута. – А где хозяева? Почему в доме наместника так тихо?

– Наместник Куши, Хеви, да живет он вечно, вместе с Амени занимаются размещением войска и выдачей продовольствия.

– Где Хуто и Паитси?

– Хранитель лука и стрел правителя вместе с вождем племени Таххет возглавили лучников и ушли за город ловить остатки презренных нехсиу. Госпожа Нефтис и госпожа Меритре отправились в храм, помогать лекарям. Раненых много...

Хармхабу стало немного стыдно: все занимаются делом, а он, главнокомандующий, кто должен вставать с первыми лучами и организовывать боеспособность армии, спит до полудня, словно ленивый писец из архива. Неужели подкрадывается старость? Как-то неуютно стало от этой мысли.

– Принеси мне хлеба и молока, – попросил он слугу. – Мяса не надо. Сяду есть, когда все покончат с делами и соберутся вечером.

– Как будет угодно, Непобедимый. И еще, – вспомнил слуга. – Господина дожидается Парамессу. Он прибыл сегодня утром, но просил тебя не беспокоить.

– Наконец-то! – обрадовался Хармхаб.

Военачальник нашел Парамессу на площади возле городского храма Амуну. Чезу выстроил своих лучников и проводил осмотр. Парамессу не отличался высоким ростом, а широкие плечи и мощные ноги делали его еще ниже.

– Бей! Бей! Амун! Бей! – дружно грохнули лучники, завидев Хармхаба.

– Здоровья и силы вам, победоносные, – приветствовал полководец воинов. – Здоровья и силы тебе Парамессу.

– Живи вечно и веди нас к победам! – Парамессу поклонился Хармхабу, вытянув руки с открытыми ладонями.

– Я рад, что ты снова в строю! – Хармхаб обнял его. Начальник лучников крикнул и поблел. – Извини, – полководец выпустил его из объятий. – Раны еще болят?

– Ерунда, – сквозь сжатые зубы ответил Парамессу.

– Покажи! – потребовал Хармхаб.

Парамессу нехотя распустил матерчатый пояс и распахнул одежду. Хармхаб поморщился. Вся грудь розовела свежими уродливыми шрамами.

– Амун уберет тебя. Как ты только выжил? Я до сих пор с содроганием вспоминаю, как тебя, всего в крови раскопали из-под груды тел нехсиу. Думали, что умер. Но ты еще дышал, хотя вся грудь была разворочена.

– Все зажило, как на кошке, благодаря молитвам Амуну и отличному лекарю из Свена, – махнул рукой старший лучник, вновь накидывая одежду. – Одно расстраивает: не успел прибыть вовремя. Без меня разгромили презренных нехсиу. Ох, я бы им показал! – погрозил он кулаком куда-то вдаль.

– Свен, – насторожился Хармхаб. – Ты сказал лекарь из Свена.

– Да. Я лечился в Свене. Здесь недалеко. Отличные виноградники, чудесные оливковые рощи.

– Ты не был в Уасте? – еще больше насторожился Хармхаб. Что там ему Сети наплел?

– Я решил не отдаляться от войска.

– Как же ты вызвал сына из Уаста? – не понял полководец.

– Я никого не вызывал, – пришла очередь Парамессу удивиться. – Что с моим сыном? – забеспокоился он.

– Сети уже несколько дней находится при войске, – ошарашил Хармхаб старшего лучника.

– Кто? Мой Сети? Но он же в Уасте. Учится в Доме Жизни. Жрецы обещали сделать из него умелого строителя или ваятеля. – Совсем растерялся Парамессу и тяжело задыхался.

– Твой сын приплыл на торговом судне из Уаста и сказал, что ты направил его ко мне на воспитание, – Хармхаб сердито вскинул брови. – Ну, шакаленок! Ну, паршивец!

– Нет. Я не посылал его, – тряс головой Парамессу. – Как я мог. Он же совсем маленький. Только недавно ему состригли детский локон. Он в Уасте, в Доме Жизни, – все твердил

Парамессу. Старший лучник побагровел и начинал задыхаться. Хармхаб даже испугался за его здоровье. – Да объясни мне, в конце концов, что с моим сыном?

– Жив он, – успокоил его полководец. – Вон он. Одет, обут, накормлен. Маленький хитрец! Всех обманул.

Сети вместе с другими мальчиками из младших воинов хуну-неферу выводил из конюшни лошадей на водопой. Он семенил рядом с высоким гнедым Хопсом. Не понятно было, кто кого ведет: мальчик коня или конь тащит его за собой. На голове Сети белели свежие бинты, уложенные заботливой рукой Меритре. Набедренная повязка болталась на костлявых бедрах. Опять без сандалий, – гневно сдвинул брови Хармхаб.

– Шакаленок! Иди сюда! – гаркнул он гневно.

Сети вздрогнул всем телом и застыл с перекошенным от ужаса лицом, увидев рядом с полководцем отца. Казалось, мальчишка превратился в каменный столб и теперь не сдвинется с места. Но Хопс, слышав голос хозяина, радостно заржал и ринулся к Хармхабу, волоча мальчика следом.

Полководец погладил коня по морде, чмокнул в нос. Хопс довольно фыркнул. Затем огненный взгляд военачальника переместился на маленького Сети.

– Рассказывай!

– Чего вам надо от ребенка, – сердито прошипела Меритре, словно разгневанная пантера. Она случайно проходила мимо. Спешила от колодца в храм с пузатым кувшином на плече. Лекарям нужна вода, промывать раны. Но, увидев, что на Сети должна обрушиться очередная волна гнева Хармхаба, решила защитить мальчика. – Замучили бедного ребенка.

– Его отец, уважаемый Парамессу, утверждает, что не посылал в войско мальчишку, – попытался успокоить ее Хармхаб.

– Живи вечно! – Парамессу поклонился Меритре, положив руки на колени.

– Здоровья и силы, славный воин, – ответила Дочь Солнца и заслонила собой Сети – Не знаю, о чем вы здесь говорите, но трогать его не позволю!

– Никто не обижает этого лживого шакаленка, – раздраженно буркнул Хармхаб. – Дай хоть ему с отцом поздороваться.

Меритре отступила в сторону.

– Сети! – радостно воскликнул Парамессу и кинулся к сыну. Он крепко обнял мальчишку. – Что с твоей головой? Как ты себя чувствуешь? – он заботливо осмотрел повязку.

Но мальчик освободился из объятий отца и встал перед ним на колени:

– Прости. Я не послушался тебя, – произнес он, виновато пряча глаза. – Я не хочу учиться на строителя. Я хочу стать воином.

Старший лучник не знал, что ответить. Хоть он и был строгим отцом, но, в то же время, до безумия любил старшего сына.

– Плохое начало для карьеры воина, – строго сказал Хармхаб. – Ты обманул всех. Вранье – сродни предательству.

– Но иначе ты бы не оставил меня в войске, – дерзко оправдывался мальчик.

– Не оставил, – согласился Хармхаб. – Потому как ты – маленький лгун, да еще не умеешь ни писать, ни считать. А бездарей я терпеть не могу. Расскажи отцу, за что тебя выгнали из Дома Жизни?

– Но, как же так? – удивился Парамессу. – Он учиться лучше всех. Наставники всегда хвалили его и ставили другим в пример

– Лучше всех? – Хармхаб готов был взорваться, как вулкан. – Так ты и здесь меня обманул! Прикидывался, что не умеешь читать! Говори, за что тебя выгнали из Дома Жизни?

– Я сам убежал, – признался Сети. – Не хочу быть строителем. Я хочу, как отец – стать воином.

– Не станешь! – рявкнул Хармхаб. – Возвращайся обратно в Уаст!

Полководец резко повернулся и зашагал прочь.

Второй вечер в доме наместника проходил веселее, чем прошлый. В саду краснели жаровни. Повара готовили мясо. Слуги суетились, разнося угощения. На небольших круглых столиках с резными ножками возвышались горки фруктов и пирожков. В воздухе витал дух благовоний и терпкого вина. Музыканты играли на визгливых свирелях. Знатные горожане в новых одеждах, обвешанные украшениями, важно прогуливались по саду. Хеви принимал вождей из южных земель, которые спешили в Бухен, узнав о громкой победе. Чернокожие вожди подносили множество подарков и клялись в вечной преданности правителю Кемет. Испугались! Ведь до этого сами посылали своих воинов в поддержку Большому Слону. Амбар для зерна доверху уже был завален отлично выделанными звериными шкурами. Для золотого песка не хватало сундуков. Клетки с живыми птицами и обезьянами Хеви распорядился оставлять за стеной дома. Их некуда было ставить. Черное дерево, большие кувшины с зерном, слоновую кость распорядитель гипессару города отправлял сразу на пристань. Хеви совсем был ошеломлен, когда в подарок правителю Обеих Земель один из могущественных вождей прислал три сотни молодых девушек-наложниц. Вождю нельзя отказать. Пришлось часть дома отводить под гарем.

Не спал весь город. Воины-победители гуляли от души. В домах веселья не протолкнуться. Быстрые папирусные лодочки торговцев спешили вниз по реке к Свену, славящемуся своими виноградниками, иначе вина не хватит для праздника. Охотники подняли цену на дичь, но и ту чуть ли не вырывали у них из рук.

Хармхаб не шибко веселился. Это для Хеви, Амени, Паитси долгожданный праздник. Пусть они ликуют. В их крае наконец-то наступил долгожданный мир. А, вот, для него – он нутром чувствовал – война только начинается. Его Ба подсказывала, что впереди тяжелый разговор с Эйей. Средств на поход против нехсиу израсходовано – немерено. Дотошный старик заставит писцов войска отчитаться за каждую хлебную корочку, за каждую головку чеснока. Потом начнет нудить нравоучительным тоном, отчитывая Хармхаба, как провинившегося мальчишку. Что ему громкая победа? Казна пуста. Еще ждет неприятная встреча с Небнуфе. Лучше всего – сразу прирезать его без объяснений. Этот подлый скорпион будет выкручиваться. Он умеет! Ничего! Хармхаб его припрет к стенке. Но все это – пустяки. Вскоре предстоит поход на севере. Не спокойно в землях Приморья. Опять надо требовать у скупого Эйи золота на армию. Опять объяснять, что, потеряв Приморье, Кемет останется без лабанского кедра и без пурпурной ткани Угарита, без масла оливы с Тира. И хетты... Как заноза в пятке! Суппилулиума продолжал подчинять себе земли на севере. Нахарина – верный союзник Кемет давно под его властью. Если ему не показать зубы, то он захочет оттяпать Кадеш, Угарит, а может, потянет руки к Мегиддо⁴⁶...

Хеви застал полководца в уединенном уголке сада за тяжелыми размышлениями.

– Прости, что отрываю тебя. Почему ты один?

Хармхаб через силу улыбнулся.

– Я отвык от праздников. Да и раньше не очень любил светские приемы.

Появился Сети, неся на подносе кувшин с вином и два серебряных бокала.

– Шакаленок! – узнал его Хармхаб и нахмурился. – Ты еще в Бухене?

Но мальчик нисколько не обиделся. Молча подал один бокал Хармхабу, другой Хеви.

– Он хочет попросить у тебя прощения, – сказал Хеви.

– Не дождется! – отрезал Хармхаб. – Лгунов я не прощаю.

⁴⁶ Мегиддо – холм на территории Израиля, в предгорье Кармель, возле современного одноименного поселения, известный археологическими раскопками. В древности – важный город из-за своего стратегического положения

– Из него выйдет хороший государственный деятель, – как бы, между прочим, заметил Хеви. – Ловко он обвел всех... Но все ж без злого умысла, – добавил наместник, почувствовав на себе горящий взгляд Хармхаба. – Прости его. Он умеет добиваться своего.

– Переметнулся на его сторону? – удивился Хармхаб. – Да кто он такой, что вы за него все застываетесь: ты, Меритре, Амени...

– Наверное, Боги охраняют мальчика, – предположил Хеви.

– Думаешь? – криво усмехнулся Хармхаб. Полководец взглянул в наивные детские глаза Сети, и у самого внутри все перевернулось. Да что же это с ним! – выругал он мысленно себя.

– Шакаленок, чего ты хочешь?

– Носить твой лук и стрелы. А когда подрасту, охранять тебя. Носить твой щит, – с жаром выпалил Сети.

– А за обман, что тебе полагается.

– Наказание, – опустил глаза Сети, но тут же вскинул их и искренне произнес: – Я готов выдержать любое, только не выгоняй меня из армии. Я не буду учиться в Доме Жизни. Я хочу быть при войске. Сети из жалкого мальчика вновь превратился в упряма. – Все равно сбегу! Отправлюсь на север. В крепость Джару. Буду сражаться с хабири⁴⁷.

– Вот, паршивец! – Хармхаб не то разозлился, не то развеселился. – Хабири сразу разбегутся, как только ты там появишься. А шерданы приползут к тебе на брюхе и будут молить о пощаде. Герой!

– Он хочет им стать, – снова вступился за юного воина Хеви.

Появилась Меритре в красивом желтом наряде.

– Не помешаю мужскому разговору? – спросила она.

– Нет, – Хеви посторонился. – Мы решаем судьбу Сети.

– Я, вот, что подумал: пусть остается, – изрек Хармхаб.

Наместник удивился: как легко сдался упрямый главнокомандующий. В глазах Сети загорелось счастье. – А что в этом плохого? – продолжал рассуждать Хармхаб. – Мальчишка хочет стать полководцем. Я его воспитаю в своем духе.

– Может лучше отправить его в Уаст? – несмело предложил Меритре, вспомнив суровую школу Хармхаба, которую сама прошла в юности. Она помнила, как Непобедимый воспитывал из мальчишек хуну-неферу каменных воинов. Не так-то просто выдержать его науку. Пока завоюешь звание менфит, все тело покроется шрамами.

– Нечего ему делать в Уасте? – Хармхаб поднялся и испепеляющим взглядом заглянул в счастливые глаза Сети. – За обман отработаешь. Еще как отработаешь! Научкам я лично с тобой буду заниматься. Парамессу пусть не переживает, я из многих маленьких слюнтяев сделал достойных мужей. Взгляни, хотя бы на Амени. Несколько лет службы при мне – и он начальник золота Амуна в Куши. А какую супругу нашел благодаря мне – самую прекрасную Дочь Солнца.

– Не слишком ли хвалишь себя, Непобедимый? – усмехнулась Меритре, но без злобы.

– Оставляю тебя носителем моего лука и стрел, – торжественно произнес Хармхаб. – Заодно будешь описывать все мои подвиги. Я буду любить тебя, как собственного сына. – При этих словах он сунул поднос юному телохранителю огромный крепкий кулак. – Но за каждый проступок ждет тебя суровое наказание. Учить я умею не хуже жрецов из Дома Жизни. Наставники-жрецы иногда жалеют учеников. Я же к бездарям не испытываю ни малейшей жалости. С твоим отцом Парамессу я переговорю. Он согласится отдать тебя в оруженосцы.

Сети опустился на колени и склонил голову.

– Моя жизнь принадлежит тебе!

⁴⁷ хабири – племена кочевников Ливийской пустыни.

– Детство для тебя закончилось. Отправляйся спать! Завтра с рассвета ждет тяжелая работа! – сурово приказал Хармхаб.

– Не пугай его! – тут же вступилась Меритре. – Пойдем, я дам тебе теплого молока. – Она увела мальчика в дом.

– Женское сердце, что речной ил: на солнце твердое, но если капнет слеза, сразу становится мягким! – пожал плечами Хеви.

– Знаю. У самого пять дочерей.

– Что намерен делать дальше? – поинтересовался Хеви у полководца.

– Сам видишь, сколько подарков натащили наши чернокожие, вновь приобретенные друзья. Надо срочно отправляться в столицу. Еще этих невольниц с собой тащить. Они же не пленные: пареный ячмень жрать не будут. Посажу их на корабли. Пусть старший кормчий о них заботится. Прибуду в столицу, поднесу подарки правителю, проведу парад, – и снова за дела. На север. Хетты окрепли. Суппилулиума всех соседей поставил на колени. Даже правитель Ассирии Ашшурбалит его побаивается. Все эти мелкие правителишки – вожди Лабана и Приморья, глядя на Суппилулиуму, начинают бунтовать. Надо успокоить их.

– Оставишь здесь отряд? Хотя бы на время.

– Конечно. И не маленький. Пусть нехсиу только еще раз попробуют сунуться. Из командиров оставлю Парамессу. Он смелый, преданный, а главное – хорошо соображает. Таких чезу не просто сыскать.

– Благодарю. – Хеви слегка замялся. – Хотел с тобой перемолвиться.., – робко произнес Хеви.

– Лично что-нибудь передать правителю или Эйе?

Хеви покачал головой.

– Ты мой старый друг и товарищ юности...

– Говори, не тяни, – нахмурился Хармхаб.

– Твой дом так и стоит наполовину пустым? – осторожно спросил наместник. – После смерти Мутнежмет, так ни одна красавица и не согрела твое сердце.

– Вот ты о чем! – Хармхаб вздохнул. – Боль прошла, но шрам остался. Да и зачем мне супруга? У меня пять дочерей. Скоро внуки появятся.

– Не хорошо жить одному, – укорил его Хеви. – Кто будет читать стихи Изиды при твоём погребении? Кто прольет в твой саркофаг масло скорби?

– Ты уже хоронишь меня? – попытался отшутиться Хармхаб. Но Хеви не сдавался.

– Твоя супруга была чудесной женщиной. Понимаю тебя и сочувствую всем сердцем. Но Боги не благоволят к одиноким мужчинам. Если никто там, в Уасте не способен пленить тебя, давай я подберу красавицу из наших южных краев. Любому вождю племени или главе знатного Дома за честь – породниться с тобой.

– Не стоит. – Полководец решительно поставил серебряную чашу с недопитым вином на круглый столик и вплотную подошел к наместнику. – Хеви, ты мой старый друг. Я ценю твои заботы. Но Хармхаб должен сам распоряжаться своей судьбой. Я следую за Хором – моим покровителем. А он ведет меня по правильному пути: прямо к солнцу.

– Как знаешь, – развел руками наместник Куши.

Глава пятая

Воины менфит стройными шеренгами покидали Бухен, высоко подняв головы в лоснящихся черных новеньких париках. Дружный клич: «Бей! Бей! Амун! Бей!» – сотрясал высокие зубчатые стены. К Воротам Птаха, где еще оставались заметны следы недавнего сражения, сбежался, чуть ли не весь город. Сердобольные горожанки пихали воинам в руки узелки с еще горячими лепешками и пирожками, мужчины щедро раздавали глиняные фляги с пивом. Многие, и особенно молодые девушка, утирали слезы. А воины все шли, сверкая начищенным оружием.

Хармхаб долго прощался с наместником Куши и его семейством. Полководца провожал Хеви со своей нестареющей супругой Нефтис. Пришли Амени, Меритре, два их маленьких сына. Третьего, совсем крошечного, кормилица держала на руках. Юная Миамун в нарядном платье протиснулась сквозь толпу и протянула Хармхабу венок из васильков вперемешку с веточками оливы.

– Ты самый великий полководец! Пусть всегда Хор покровительствует тебе! Пусть Амун держит всегда перед тобой анх⁴⁸ – дыхание жизни, – прошептала она тоненьким голоском. Большие карие глаза смотрели с огромным восхищением на Хармхаба.

Полководец смутился, но надел венок на голову и поблагодарил Миамун. На нежном кругленьком личике загорелся румянец. Он поднял девочку на руки и поцеловал ее в пухлую щечку, затем опустил на землю. Миамун юркнула за спину Меритре и смущенно выглядывала, вся покрасневшись от гордости: сам главнокомандующий войском Амуна, непобедимый Хармхаб, стоящий слева от правителя поцеловал ее.

Хармхаб крепко обнял старого друга. С Амени полководец прощался долго. Звал его к себе командовать чезетом атакующих воинов. Все же вместе столько пережили. Один поход в Нахарину чего стоит. Именно там Амени из подростка хуну-неферу превратился в воина менфит, да еще командовал целой мешей. Но Амени предпочел остаться рядом с семьей. У него без того должность ответственная. Он для Хеви был неоценимым помощником. Не просто найти грамотного и честного человека, который бы умел торговаться с кушитами, скупая у них золотоносный кварц. Да еще Амени заведовал плавильными мастерскими. Тут тоже голова нужна на плечах: попробуй углядеть за всеми: чтобы писцы не приворовывали, да мастера в золото примеси не добавляли.

Полководец поклонился Нефтис и Меритре. Затем взял с рук кормилицы младенца и поцеловал его в нежный розовый лобик. Он – Хармхаб стал его вторым отцом, совершив обрезание в храме Амуна-Ра. Подарил младенцу серебряный амулет с именем Хора и халдейский кинжал в дорогих ножнах. Маленькому Хорнефу было все равно. Он мирно посапывал во сне, вытянув губки трубочкой, и сладко причмокивал.

– Пусть вырастит из него великий человек, – пожелал Хармхаб и передал младенца обратно кормилице.

Полководец отдал последние распоряжения Парамессу. Старший лучник с частью войска оставался в Куши для поддержания порядка. Хармхаб запрыгнул в колесницу. Сзади на площадку для лучника уселся Сети, держа в руках чехол со стрелами. Кони резво тронулись с места.

– За сына не беспокойся, – крикнул напоследок военачальник старшему лучнику Парамессу.

⁴⁸ Анх (анх, анк) – египетский иероглиф, а также наиболее значимый символ древних египтян. Также известен как «Ключ жизни», «Ключ Нила», «Бант жизни», «Египетский крест», «Кружк Ансата» (лат. *Cruz ansata*). Представляет собой крест, увенчанный сверху кольцом.

Хармхаб еще раз оглянулся на семью наместника. Все махали ему вслед и грустно улыбались. Тяжело прощаться. Сколько он теперь их не увидит? А может вообще больше не встретится... Прочь дурные мысли! – одернул он сам себя и взмахнул рукой в ответ.

Миамун взбежала на небольшой холмик, чтобы дольше всех провожать взглядом колесницу полководца. Ее белое платье трепетал ветер, словно крылышки мотылька.

Хармхаб вздохнул: рассказали ей, что она не дочь Амени и Меритре, или все еще хранят тайну? Судя по тому, как маленькая красавица льнула к Амени и при любом удобном случае норвила усесться на колени к Хеви, она до сих пор не ведет, что на самом деле рождена от Солнечного правителя Эхнейота и загадочно пропавшей его второй супруги Кийи. А может и к лучшему. Зачем мутит воду в спокойном озере? Хеви очень повезло в этой жизни. У него такая большая и счастливая семья. Все пятеро сыновей имеют хорошие должности и большие дома, полные детей.

Мелькнуло воспоминание о последнем празднике Опет. Тогда в Уасте, в доме младшего брата Хеви, Неба собрались все родственники. Вот было веселье! У наместника Уаста, Неба огромный дом с обширным садом. Но и в нем стало тесно.

Войско двинулось на север, вдоль берега вечного Хапи. Пыль поднималась из-под ног и зависала желтым облаком над дорогой. Солнце жгло спины. Прощай презренная Куши! Сердце Хармхаба пело от радости. Наконец-то он возвращается в Уаст. Да еще с победой!

Навстречу попадались беженцы, возвращавшиеся на обжитые места. Длинные караваны возов, нагруженных доверху небогатым скарбом, тащили неутомимые волы с высокими рогами. Беженцы гнали небольшие стада коз. Вели ослов, навьюченных мешками и плетеными корзинами. Весть о разгроме нехсиу разнеслась по все Верхней Земле. Мирные землепашцы и пастухи, которых дикари прогнали с насиженных мест, спешили к своим покинутым домам. Беженцы, сворачивали на обочину телеги, сгоняли ослов, уступая дорогу войску. Счастливые люди радостно приветствовали Хармхаба-избавителя.

Полководец лишь вздыхал: несчастный народ, мой народ. Как они искренне радуются, что мы избавили их от набегов нехсиу. Но они найдут свои дома сожженными, поля вытоптан-ными, каналы засыпанными. Им придется заново восстанавливать свое хозяйства, надрывая спины и голодая. Только они почувствуют, что мирная жизнь наладилась, только зазеленеют побеги нового урожая, а к ним уже поспешат сборщики податей – наглые, безжалостные. Ладно бы все сборы шли в казну, так ведь нет, большую часть своруют. И кого обворовывают – своих же людей, свое государство. Ох, покончит он с войной, займется чинушами! Всех в каменоломни! Такого же не было раньше или было? Не было, – твердо решил для себя Хармхаб. – Все Эхнейот с его бредовым учении а едином боге и всеобщем мире.

Словно в подтверждении его мыслей, по обеим сторонам от дороги выросли два высоких гранитныхobeliska. На массивных кубических основаниях было вырезано: Отцу моему Йоту, ликующему на небосклоне.

– Нахтимин! – раздраженно позвал Хармхаб военачальника. – Свалить этиobeliska, а основание разбить.

Нахтимин растерянно переводил взгляд то на Хармхаба, то на священные гранитные иглы. Правильно ли он понял приказ?

– Что уставился? – Хармхаб сдвинул брови.

– Но под ними зарыты таблички с проклятиями.., – попытался спорить Нахтимин.

– Плевал я на проклятия, – воскликнул Хармхаб. – Хор оберегает меня. Выполняй!

Слуги отворили резные деревянные ворота, и полководец въехал на колеснице в широкий чистый двор своего дома. Конюх принялся распрягать усталых потных коней. Хармхаб тяжело вылез из повозки, прочитал благодарственную молитву и отвесил поклоны на четыре стороны

света. С визгом на шею отцу кинулась младшая дочь Туйя. Следом подбежала другая, чуть постарше – Хатеамун. Она чмокнула отца в небритую щеку и помогла снять с пояса тяжелый меч. Еще две дочери принесли отцу кувшин с прохладной водой и свежий хлеб. Все четверо визжали, плакали и обнимали отца тоненькими ручками. Из кухни донесся аромат жареного мяса и свежее испеченного хлеба. У Хармхаба живот скрутило с голодухи.

До чего же он любил эти мгновения, когда, возвращаясь после долгих походов, переступаешь порог родного дома и наслаждаешься знакомыми запахами. Все вокруг твое, милое сердцу. Не хотелось ни о чем думать. Просто сейчас скинуть с себя пыльную, пропахшую потом, одежду, залезть в пруд с прохладной водой, в руку обязательно кубок с вином, и безмятежно лежать в воде целый день, бессмысленно глядя в синее прозрачное небо.

Между колонн портика мелькнуло нежно-розовое платье в мелкую складку. Шеээрэрэ, старшая дочь грациозно подошла к Хармхабу и обняла отца. От ее волос пахло жасмином. Она вся благоухала и цвела, как цветут юные девушки в первые месяцы беременности. Животик только чуть-чуть выпирал, обличая в ней будущую мать.

– Осторожно. Я весь в пыли, – смущенно пробурчал Хармхаб. – Запачкаешься.

– Я ухаживала за твоим домом, пока ты отсутствовал, – похвастала Шеээрэрэ.

– Да уж! – Хармхаб огляделся и покачал головой. Деревянные столбы, на которых он упражнялся с оружием, обвивали вьюнки с нежными беленькими цветочками. Круг, где он гонял коней, аккуратно засажен клумбами и маленькими кипарисами. А беседка у пруда! Его любимая деревянная беседка, в которой он с товарищами напивался до умопомрачения, выкрашена в розовый цвет, и кругом цветы. – Шеээрэрэ! – воскликнул он в отчаянии. – Ко мне сегодня придут друзья. Где мы будем отмечать мое возвращение? Среди цветочков?

– Отмечать будете в Доме Ликования, – мягко возразила старшая дочь. – Правитель распорядился приготовить грандиозный праздник в честь твоей победы.

Хармхаб чуть не выругался. Он терпеть в последнее время не мог дворцовых пиров. Все проходит по-дурачки, чинно. Сначала нудная церемония с хвалебными речами и вручением наград, затем еще более нудные молитвы. Надо же было поблагодарить богов за победы. Как будто это они потели в горах Куши, бились насмерть с нехсиу и голодали неделями в пустыне. А Хармхаб – всего лишь исполнитель воли Всевидящих. Только после всего этого начинается пир. Так и там не напьешься. Сиди, как истукан с каменным лицом и принимай поздравления.

– Кто этот славный ребенок! – умиленно всплеснула руками Шеээрэрэ, увидев Сети. Мальчик еле живой от усталости появился во дворе, сгорбившись под тяжестью чехла со стрелами.

– Это не славный ребенок, а мой оруженосец, – пробурчал Хармхаб.

– Неужели в армию некого набирать. Уже детей призывают? А ноги-то как сбил! Почему он босиком?

– Чего ты понимаешь в армии! – насупился полководец. – Армия – дело мужское. Посмотри, во что ты двор превратила, прямо как в храме Непорочных Жриц Изиды⁴⁹.

Но Шеээрэрэ, не слушала отца. Она помогла Сети снять лук и чехол со стрелами, передала оружие слугам.

– Пойдем, я напою тебя свежим молоком и вымою. Вон, какой ты чумазый.

– Не смей с ним сюсюкать, – возмутился Хармхаб. – Он – воин, и сам сможет помыться. Но настырная дочь увела Сети в дом, не смотря на сердитые взгляды отца.

Наконец Хармхаб с блаженством скинул с себя полинявший плащ, развязал ремешки кожаного нагрудника. Старый слуга, еще из тех, бывалых воинов наперед знал, чего хочет Хармхаб. Какое молоко!?! Какие пирожки!?! Рисут уже спешил к полководцу с огромным мед-

⁴⁹ *Изида (др.-гр. "Исис", др.-ег. "Исет") – одна из величайших богинь древности, ставшая образцом для понимания египетского идеала женственности и материнства*

ным кубком, в котором весело плескалось холодное, неразбавленное вино. Хармхаб схватил обеими руками кубок и опорожнил его до дна. Горячие ручейки заструились по усталому телу. В голове приятно загудело. Хармхаб бултыхнулся в пруд, распугивая рыбешек. Он удобно устроился на мелководе. Обожженная солнцем спина легла на прохладный мягкий песок. Воспаленные от бессонницы глаза слипались. Тело растаяло, стало невесомым, будто слепленное из воска. Полное блаженство! Тут же подкралась дремота...

...Почему-то Хармхабу привиделся Ахйот – этот заброшенный, проклятый Солнечный город. Но ему почудилось, что он оказался в то время, когда еще город процветал. В те полные счастья дни, когда благосклонность Йота казалась безграничной. Хармхаб сидел на пороге своего красивого дома, там, в Ахйоте и наслаждался запахами цветущего сада. Мутнежмет, шелестя тонкой одеждой, подошла к нему и одарила солнечной улыбкой. Душа Хармхаба наполнилась беспредельным счастьем и радостью. Она жива? – удивился Хармхаб.

– Нет! – ответила Мутнежмет, прочитав его мысли – Я возродилась со светом.

– Ты пришла поговорить со мной? – Хармхаб не мог налюбоваться супругой. Кто может сравниться красотой с Мутнежмет. Разве у кого-нибудь были такие тонкие черты лица с озорными карими глазами, такие плавные движения и нежные руки. Пусть говорят, что ее сестра Нефернефруйот, первая супруга правителя самая сиятельная во вселенной, красотой подобна солнцу. Для всех, но не для Хармхаба. Только Мутнежмет он любил. Только ее он считал самой красивой и нежной.

– Я пришла не одна – Мутнежмет показала в сторону. Как будто тяжелые тучи поглотили яркий солнечный свет. Рядом вырос сам Сын Солнца, Эхнейот. Как всегда бледный. Лицо вытянутое, с надменным выражением. Тяжелый квадратный подбородок. Ввалившиеся щеки. Холодные водянистые глаза под опухшими болезненными веками казались входами в ледяную темную бездну. Бесцветные полные губы плотно сжаты. Округлые, совсем не мужские плечи покрывало широкое ожерелье. На немошной груди знак Йота в виде золотого круга с глазом в центре. Рахитичный животик.

Сердце тревожно заколотилось. Стало зябко, как будто Хармхаб вошел в гробницу. Откуда он появился? Раньше Эхнейот не переступал порог дома Хармхаба. Не потому что считал недостойным. Солнечный правитель никогда не ходил в гости к своим сановникам. Полководец хотел вскочить и упасть на колени перед правителем.

– Сиди! – строгим голосом приказал Сын Солнца. Он медленно снял с головы корону Обеих Земель, обнажая бритый вытянутый затылок, напоминающий большое яйцо. Корона представляла собой красную тиару, а внутри белый высокий колпак. Тиару обвивала золотая кобра. Правитель поставил на стол перед Хармхабом символ власти и сказал тоном, каким взрослые отчитывают провинившихся детей:

– Признайся, ты мечтал завладеть ей?

Хармхаб почувствовал, как ему становится стыдно, и Эхнейот видит отражение стыда не его лице. Знает все, что он думает. Читает его сердце. Слышит все, что хранит Эб Хармхаба. Бывало! Иногда возникали такие мысли. Да! Как-то представлял себя правителем, сидящим на троне со всеми регалиями, а вокруг строй сановников. Но это – всего лишь грезы. Любой чиновник иногда представляет себя правителем. Что в этом осудительного? Он не добивался трона. Полные губы Эхнейота расплылись в презрительной улыбке.

– Любой чиновник, говоришь! Все вокруг – черви. Только ты можешь надеть корону. Бери!

Хармхаб послушно потянулся к священному венцу. Он попытался взять корону со стола, но она оказалась изготовлена из камня. Он никак не мог ее поднять. Золотая кобра, обвивавшая красную гранитную тиару, зашипела, хищно расправив капюшон, и попыталась вонзить острые клыки в руку полководца.

– Что? Не получается? – правитель залился утробным каменным смехом.

– Верховный жрец Та-Кемет и лучший друг правителя, мудрейший Эйя! – пропел рисут над самым ухом.

Хармхаб вздрогнул всем телом. С облегчением понял, что очнулся от кошмара! Солнце слепило глаза. Прохладная вода ласкала тело. Привидится же такое. Хармхаб захотел еще выпить полную чашу вина.

– Принеси-ка мне неразбавленного, красного, – хрипло приказал он рисуту.

– Верховный жрец Та-Кемет и лучший друг правителя, мудрейший Эйя! – еще раз, чуть ли не шепотом повторил слуга.

Что там рисут сказал? Кто пришел?

Полководец поднял глаза. Над ним возвышался жрец в длинной желтой одежде высшего сана. Через плечо шкура леопарда переливалась чистым мехом. В сухой жилистой руке длинный посох, на верхушки которого поблескивал золотой анх. Черты лица расплывались. Хармхаб никак не мог сосредоточить взгляд. Наконец лицо верховного жреца Йота приобрело четкие формы. Перед ним предстал Эйя. Высокий крепкий старик с вечно каменным выражением и безучастным холодным взглядом. Бритый гладкий череп сиял, так что можно нимб увидеть вокруг. Лицо высохшее, но морщинки разглажены, насколько это возможно, особыми мазями. Глаза тонко подведены черной тушью.

– Здоровья и силы! – приветствовал его верховный жрец сильным, совсем не старческим голосом.

– Живи вечно! – глухо ответил Хармхаб, вылезая из воды.

Слуги обтерли его мягкой тряпкой, помогли надеть чистую одежду, обули в новые белые сандалии. Эйя внимательно взглянул Хармхабу в лицо, и озабоченно произнес:

– Не важный вид у тебя, полководец. Устал?

– Как ты думаешь? От разлива до разлива в этой проклятой Куши. Я весь высох и прокоптился на солнце. Еще немного, и песчаные блохи загрызли бы меня совсем. А местный хлеб! Ты пробовал их хлеб? Коровьи лепешки вкуснее.

– Странно! – Эйя поморщил гладкий лоб. – Раньше непобедимый Хармхаб никогда не жаловался на трудности. А тут вдруг расплакался.

– Ничего я не плачу, – с обидой ответил Хармхаб. – Что мне, устать нельзя.

– Тебе – нет. Я старый и больной – не устаю, тружусь на благо страны. И ты не должен уставать.

– Прости, – поклонился Хармхаб, устыдившись. – Что за дела привели тебя в мой дом?

– Властелин Обеих Земель, да живет он вечно, вековечно, желает видеть тебя.

– Но мне доложили, что Солнечный охотится далеко от Уаста.

– Да. Охотился. Но, узнав о прибытии любимого полководца, приказал сворачивать охоту и возвращаться.

– Надо устроить ему парад войск, – тяжело вздохнул Хармхаб. – Попробую собрать чезу, пока они еще не напились до зеленых крокодилов.

– Уж постарайся. И не надо так грустно. Правитель обожает тебя. Всегда ставит всем в пример. Иногда я слышу из его уст фразы, случайно оброненные тобой.

– Я люблю правителя и все сделаю, для его утехи, – мрачно пообещал Хармхаб. – Надеюсь, после мне дадут отдохнуть несколько дней?

– Будешь пьянствовать до одури со своими командирами и бить, ни в чем не повинных бегемотов?

– Да! – честно признался Хармхаб.

– Не получится, – огорчил его Эйя. – Отдых для тебя закончился.

– Но почему? – Хармхаб чуть не задохнулся от обиды.

– Прибыло посольство от Суппилулиумы. – лицо Эйи сделалось гранитным. – Кадешу⁵⁰ угрожают хетты. Город вот-вот готов сдать.

– Как это так? – Хармхаб не мог поверить. Его словно двинули дубиной по голове.

Неприступная крепость, огромный гарнизон. Великий Кадеш. Белый Кадеш. Самый северный форпост Кемет, с таким трудом завоеванный еще Менхеперра Тутмосом. Сколько крови пролито под его стенами. Сколько лучших сынов Кемет пали в боях, когда умирляли восставший город при Мааткара Хенеметамон Хатшепсут. И что теперь он слышит? Готов сдать?

– Вот так просто – без боя. – Эйя огорченно развел руками

– Правитель Иттакама предал нас?

– Еще не все понятно, но думаю – да. Он боится хеттов и готов переметнуться на сторону Суппилулиумы.

– А Расесси? Что с Расесси, наместником Кемет в Кадеше? – вспомнил Хармхаб про своего друга детства и товарища по оружию. На сердце стало тревожно. Расесси уже много лет служил посланником в этой далекой северной крепости. Отважнее человека редко встретишь. И хладнокровия ему не занимать. – Пстой-ка! – Хармхаб пристально впился взглядом Эйе в глаза. – Супруга Расесси – твоя дочь. Она тоже в Кадеше.

Эйя чуть заметно вздрогнул, но тут же совладал с собой и даже не отвел взгляд.

– Встретимся с посольством – узнаем. Возможно, все это – вранье.

Верховный жрец уселся в роскошные носилки. Восемь крепких слуг подняли мудрейшего. Еще двое слуг прикрыли голову Эйи от солнца огромными опахалами из страусовых перьев.

– Поторопись собрать чезу. Правитель хочет видеть бравое войско, а не толпу пьяных дикарей.

– Все будет исполнено, мудрейший, – пообещал Хармхаб.

Послышался веселый детский смех. На дорожку выбежала маленькая Туйя и тащила за руку Сети, уже вымытого, в чистой одежде. Взгляд Эйи потеплел, когда он увидел младшую дочь Хармхаба.

– Почему ты не разрешаешь Туйи жить в моем доме? – Глаза жреца наполнились тоской. – Она так похожа на мою маленькую Мутнежмет.

– У тебя много забот. Твой дом вечно заполнен писцами и жрецами. А девочке нужна забота.

– Можно подумать, ты о ней заботишься, – упрекнул его жрец. – Я вечно встречаю маленькую Туйю в доме Ахмосе. Твоя старшая дочь Шеэрэрэ скоро сама станет матерью, так еще Туйя на ее шее. А кто это рядом с ней? – Эйя помрачнел. – Я слепну, или вижу перед собой сына старшего лучника Парамессу.

– Да. Мальчишка служит у меня оруженосцем.

Тонкие, подведенные тушью брови Эйи гневно сошлись к переносице.

– Он пропал из Дома Жизни. Его искали девять дней. Подумали, что ребенка растерзали гиены или украли торговцы с севера. Наставники понесли строгое наказание. Изволь объяснить: что он делает подле тебя?

– А что объяснять? – пожал плечами Хармхаб. – Парень решил стать воином – его выбор. За дерзость и непослушание он уже понес суровую кару. В бою показал себя смелым: не скулил, не пригибался и не прятался. На марше попевал. Руки на месте, и голова в полном порядке. Из него вырастет полководец.

⁵⁰ Кадеш – древний город в Сирии, расположенный на реке Оронт. Считается, что развалины крепости Кадеша находятся близ Телль-Неби на территории современного запада Сирии, недалеко от границы с Ливаном.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.